

ЭЛЬ КРАВЕН

ХОЗЯИН
ЧЁРНОГО УЛЬЯ

Эль Кравен

Хозяин Чёрного Улья

«Автор»

2026

Кравен Э.

Хозяин Чёрного Улья / Э. Кравен — «Автор», 2026

На Алтае я полжизни держал пасеку. Здесь очнулся по подбородок в земле — в теле должника, которого обвинили в убийстве и бросили умирать на выжженной пасеке. Всё наследство: каменный улей, семнадцать рабочих пчёл и умирающая чёрная матка. Гильдия Белого Воска велела уничтожить их всех. В этом мире матка — Сердце, мёдом лечат болезни, а Белый Воск держит долину за горло. Мой Устав не выдаёт легендарный меч и не сыплет наградами. Он сообщает факты: матка умирает, расплода нет, запасов нет. До полной гибели семьи — считанные дни. Чтобы выжить, мне придётся поднять улей с нуля, накормить тех, кто ещё вчера хотел его сжечь, и выяснить, кто отравил прежнего хозяина моего тела. Потому что тот, кто убивает пчёл, уже добрался до людей. Я был пасечником. Теперь я — Хозяин Чёрного Улья. И своё Сердце я никому не отдам.

© Кравен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Яма для пасечника	5
Глава 2. Горсть чёрных	12
Глава 3. Чужой долг	19
Глава 4. Мёд для мёртвого	27
Глава 5. Белый воск	35
Глава 6. Первый взяток	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эль Кравен

Хозяин Чёрного Улья

Глава 1. Яма для пасечника

Первой приходит не боль, а злость. Глупая, вязкая, совершенно неуместная злость на то, что кто-то сыплет мне землю за ворот. Я пытаюсь поднять руку, стряхнуть её и только тогда понимаю: руки у меня не поднимаются. Не потому, что затекли. Их вообще не видно. Из земли торчит одна голова, под подбородком жмёт влажный ком, а всё остальное упаковано в тяжёлый суглинок так плотно, будто меня не закопали, а утрамбовали сапогами.

Я дёргаюсь. Почва давит на грудь, не даёт вдохнуть глубже половины. В затылок упирается камень. Перед глазами, в двух ладонях от носа, лежитдохлая пчела — крупная, почти с ноготь большого пальца, чёрная, с серой пылью на волосках. Пчела шевелит задней лапкой. Значит, недохлая. Пока.

— Смотри-ка, очнулся, — говорит кто-то справа.

Голос мужской, ленивый. Так разговаривают возле костра, когда колбаса уже насажена, а огонь ещё не разгорелся. Я поворачиваю глаза. Шея слушается плохо, зато картинка понемногу собирается: выжженный склон, кривые яблони, несколько десятков почерневших ящиков на низких подставках. Улья. Некоторые развалены, у других сняты крыши, а один горит без пламени — из щели тянется тонкий дымок, пахнувший горькой полыньёй и чем-то металлическим.

За ульем стоят двое. Первый — широкий, в кожаном фартуке, с шестом, на конце которого болтается тряпичная петля. Второй худой, длиннорукий, держит ведро. Оба закрыли лица сетками, только сетки не обычные: белые нити отливают серебром, а возле висков пришиты круглые медные бляхи.

Я снова рвусь из земли. Напрасно. В груди что-то хрустит — то ли ребро, то ли засохшая корка грязи.

— Воды, — выговариваю я.

Голос чужой. Молодой, сиплый, язык во рту словно обваренный. Но слово получается понятным, и это удивляет меньше, чем должно. Сейчас меня больше интересует ведро.

Худой поднимает его, заглядывает внутрь и ухмыляется. У него острый, обветренный подбородок и два передних зуба одного размера со всеми остальными вместе.

— Там щёлок.

— Тогда не надо.

Широкий фыркает. Худой смеётся, немного обиженно — видно, рассчитывал на просьбы. Он подходит ближе, приседает у края ямы и тычет пальцем в мою щёку. Я пытаюсь укусь. Не достаю, зато он отшатывается и опрокидывает половину ведра себе на сапог.

— Падаль!

— Сам подошёл, — замечает широкий. — Не трогай. Восс сказал дожидаться ос и убедиться. Потом землю выровняем.

Осы мне не нравятся даже без пояснений. Над склоном гудит ветер, но звук у него неправильный: низкий, с дрожью, будто далеко работает трансформатор. Я смотрю вверх и вижу над яблонями рыхлое серое облако. Оно движется против ветра. Не облако.

Насекомые держатся плотным комом, распадаются на ленты и снова стягиваются. Каждая размером с мизинец, брюшко длинное, матово-серое, ноги свисают, как у летящих пауков. Я таких не видел. И места этого не видел. И собственного тела, судя по голосу, тоже.

Последнее, что помню отчётливо, — пасека после дождя. Земля под ногами мягкая, воздух пахнет мокрым донником, я ставлю на крышку улья стамеску и думаю, что надо бы зайти

в дом за тонометром. Сердце барабанит неровно, пчёлы возле летка начинают раздражаться от моей возни. Я ещё успеваю присесть, чтобы не свалиться на улей. Потом чёрная рамка без звука. А теперь я моложе лет на двадцать, закопан по горло и жду насекомых, которых двое уродов называют осами.

Можно было бы удивиться. Испугаться. Попросить дать время на осмысление. Но осам, судя по размеру, мои душевные трудности безразличны.

— Эй, зубастый, — зову я худого. — Если эти твари едят падаль, почему вы не уходите?

Он вытирает сапог пучком сухой травы.

— Сетки.

— Очень убедительно.

— Они нас знают, — поясняет широкий. Он поглядывает на приближающийся рой уже без прежней ленцы и поправляет медную бляху у виска. — Запах Белой Матки. А ты для них мёртвое мясо.

— Я разговариваю.

— Недолго осталось.

Серое облако минует последнюю яблоню. Гул густеет, отдаётся в зубах. Худой перестаёт улыбаться и отступает к ульям. Широкий выставляет перед собой шест с петлёй, хотя я не понимаю, чем тот поможет против нескольких сотен тварей.

Я заставляю себя не дёргаться. Паника только сожжёт воздух. Земля слежалась, но возле правого плеча есть пустота — совсем небольшая. Если раскачать руку, может быть, удастся высвободить кисть. Я напрягаю пальцы. Они существуют. Уже хорошо. Давлю локтем наружу и вверх, медленно, без рывка. В плече простреливает, под ногтем что-то лопается. Почва осыпается в щель, давая мне ещё полпальца свободы.

Одна из ос отделяется от облака. Подлетает к худому, зависает перед сеткой. Он стоит смиренно. Оса касается лапками медной бляхи, разворачивается и идёт ко мне.

Вблизи она ещё хуже. Голова плоская, глаза белёсые, жвалы ходят поперёк. На брюшке нет привычных жёлтых полос — только три тёмных кольца и капля мутной жидкости на жале.

Я втягиваю подбородок в землю. Великолепная защита. Если повезёт, сожрёт только нос. Оса садится на щёку.

Лапки холодные. Она медленно идёт к глазу, ощупывая кожу усиками. Я задерживаю дыхание. Пчела передо мной снова дёргается. Теперь вижу: одно крыло смято, брюшко подрагивает, но она живая. И чёрная не от грязи. На спинке пробивается ровный стальной блеск, каких я у земных пород не встречал.

Оса добирается до скулы. Жвалы щёлкают возле ресниц.

Я резко выдыхаю ей в морду. Тварь взлетает, бьёт меня лапками по веку и сразу разворачивается. В воздухе вокруг неё появляются ещё три. Широкий тихо ругается, пятясь. Похоже, ритуал должен был выглядеть спокойнее. Чёрная пчела расправляет уцелевшее крыло.

Внутри головы что-то касается меня. Не голос. Скорее ощущение, которое не принадлежит телу: тесно, холодно, пахнет горелым воском, рядом пустота, а в пустоте есть одна тёплая точка. Я знаю, где эта точка, хотя не вижу её — в каменном улье шагах в шести слева. Перед глазами проступают бледные строки.

[Обнаружено Сердце семьи.]

[Состояние: истощение.]

[Рабочие особи: 19.]

[Расплод: отсутствует.]

[Связь с хранителем: не установлена.]

Я моргаю. Строки остаются. Сердце семьи — так здесь называют матку? Девятнадцать рабочих. Не рой даже, горсть. С такой семьёй зиму не пережить, да и до вечера, похоже, тоже.

Оса снова садится, теперь на лоб. За ней опускаются ещё две. Я чувствую их вес, холодные касания. Широкий уже отходит к краю пасеки.

— Что-то они долго, — говорит худой. Голос у него звенит. — Может, щёлоком плеснуть?

— Не смей. Запах собьёшь.

— Так пусть жрут быстрее.

Одна оса вонзает жвалы мне в кожу над бровью. Боль тонкая, горячая. Кровь стекает к виску. Твари пробуют её усиками, и гул меняется. Серое облако уплотняется.

Я снова давлю локтем. Земля не двигается. Воздуха меньше. Чужое тело слабое, отравленное или избитое, и оно начинает сдаваться раньше, чем я привык. Сердце колотится, но не моё старое, больное — молодое, бешеное, только каждый третий удар отдаётся горечью под языком. В каменном улье дрожит тёплая точка.

Я не слышу просьбы. Не чувствую доверия. Там просто живое, прижатое холодом к камню, а вокруг ползают девятнадцать таких же упрямых, почти мёртвых существ. Они не прилетят спасти меня. Пчёлы вообще не спасают людей. У них нет ни благодарности, ни чувства долга, ни понимания героизма. Если какой-нибудь умник лезет к улью без сетки и дымара, семья не обсуждает его моральные качества. Она жалит. Но путь можно показать.

Я представляю не приказ, а направление: из тесноты — наружу; от холода — к теплу; от Сердца — сюда, где пахнет кровью и чужим ядом. Туда, где осы уже считают добычу своей.

[Связь невозможна.]

[Причина: температура хранителя ниже порога.]

Ниже порога? У меня лицо горит, сердце молотит, а Системе холодно.

Я втягиваю воздух, напрягаю всё тело и снова пытаюсь освободить правую руку. Земля сжимает грудь. Перед глазами темнеет. Оса кусает край уха, другая ползёт по закрытому веку. Я вспоминаю, как грел отводок в первую весну после развода: тащил ящик в котельную, ругался на себя, на погоду, на матку, которая решила облететься в апреле. Тогда в доме было пусто, дети звонили по воскресеньям, а я сидел на перевернутом ведре и слушал через стенку слабый гул. Думал, что спасаю пчёл. На самом деле просто не хотел оставаться единственным живым идиотом в помещении.

Тепло — не цифра. Тепло приходится отдавать.

Я прикусываю язык. Боль встряхивает. Во рту становится солоно. Сосредотачиваюсь на тёплой точке, будто держу ладони возле маленького клуба, и позволяю чему-то вытечь из груди по этой странной связи. Холод приходит мгновенно.

Он начинается под рёбрами, проходит по плечам, забирается в шею. Зубы стучаются. Зато каменный улей отвечает. Не словом — движением.

Из тёмной щели выползает одна пчела, за ней вторая. Они падают на прилётный камень, долго перебирают ногами, потом взлетают. Полёт неровный, тяжёлый. Ещё пять выбирают наружу. Потом остальные. Девятнадцать чёрных точек против серого облака. Худой видит их первым.

— Чёрные, — шепчет он.

Широкий оборачивается и срывает с пояса короткую палку с медным наконечником.

— Назад. Быстро.

— Их же мало.

— Назад, дебил!

Чёрные пчёлы не бросаются на ос. Они собираются возле моего лица, пытаюсь определить чужой запах. Одна садится на губу. Я чувствую тепло её брюшка и понимаю простую вещь: если они сейчас начнут драться, погибнут все. Осы крупнее, сыты, их сотни. Мне нужна не атака. Мне нужна щель.

Я смотрю на худого. На его ведро, сапог, мокрый от щёлока, и тряпичную петлю на шесте широкого. Верёвка петли волочится по земле почти до края ямы. Два метра. Может, чуть больше.

Пчёлы не умеют таскать верёвки. Зато умеют находить запах.

Я провожу языком по разбитой губе, набираю кровь и плюю в сторону петли. Слюна падает ближе, чем хотелось, но несколько капель попадают на ткань.

— Да он совсем... — начинает худой.

Я снова толкаю ощущение пути: кровь — ткань — чужая рука. Не приказ атаковать. Просто место, где теплее и пахнет тем, что уже заинтересовало ос.

Пчёлы снимаются с моего лица и идут к петле. Часть садится на пропитанную кровью ткань, две летят дальше, к руке широкого. Тот отмахивается палкой. Первая чёрная пчела жалит его в запястье.

Он вскрикивает, роняет шест и бьёт ладонью по рукаву. Медная палка вспыхивает белым, воздух возле неё трещит. Одна пчела падает. Сразу. Связь с ней гаснет, оставляя в голове крошечную пустую ямку. Больно не мне, но я это чувствую.

— Убери их! — орёт широкий.

— Как?!

— Дымом, мать твою!

Худой хватает ведро и плескает щёлок не на меня, а в сторону чёрных пчёл. Жидкость ложится на сухую землю, брызги попадают на тканевую петлю. Запах крови тонет в резкой щёлочи. Серые осы реагируют разом.

Облако проваливается вниз. Не на меня — к ведру, сапогу, мокрой верёвке и людям с запахом Белой Матки, который щёлок только что смыл или испортил. Широкий успевает поднять палку. Вокруг него вспыхивает белый круг, несколько ос сторают, но остальные облепляют сетку, рукава, плечи.

Худой визжит. По-настоящему, высоко, и бежит к тропе, размахивая ведром. Это худшее, что можно делать рядом с жалящими насекомыми, но советовать поздно. Серый хвост вытягивается за ним.

Широкий держится дольше. Он пятится, бьёт палкой, ругается, потом спотыкается о разваленный улей и валится спиной на крышку. Осы накрывают его. Сетка рвётся под жвалами.

Я отвожу чёрных пчёл к каменному улью. Связь дрожит, пальцы немеют, холод уже не помещается в теле. Двенадцать возвращаются в щель. Шесть кружат над ямой. Одна лежит возле палки, обожжённая и неподвижная.

Шест с петлёй упал рядом. Древко тянется поперёк земли, конец нависает над моим правым плечом. До него не дотянуться, потому что рука всё ещё в земле. Зато теперь никто не мешает копать.

Я раскачиваю кисть. Медленно. С каждым движением в пустоту возле плеча осыпается почва. Ногти сдираются, кожу режет камешками. Когда пальцы наконец выходят наружу, я сначала не верю. Они синюшные, чужие, худые, на запястье чёрный знак — круг, перечёркнутый тремя линиями. Клеймо. Потом.

Я вытягиваю руку, хватаю шест двумя пальцами, подтаскиваю. Тканевая петля мокрая от щёлока, но целая. Накидываю её на запястье, наматываю и тяну древко к себе. Оно цепляется за камень, соскальзывает. Я тяну снова. Земля возле плеча трескается.

Со стороны тропы доносится человеческий крик, быстро переходящий в хрип. Не смотрю. Если широкий выживет, он вернётся. Если не выживет, осы вернутся всё равно.

Мне удаётся освободить локоть. Потом плечо. Дальше легче: я разгребаю землю возле груди, втягиваю воздух и едва не теряю сознание от боли в рёбрах. Правой рукой откапываю левую. Она связана у запястья грубой верёвкой. Разрезать нечем. В трёх шагах лежит медная

палка широкого, но между нами земля и несколько серых ос, которые ещё не решили, куда лететь. Одна опускается на край ямы.

Я замираю. Чёрные пчёлы в улье тоже замирают — не по моей команде, а потому, что чужой запах стал ближе.

Оса чистит передние лапки. На её брюшке серый налёт, такой же, как на пчеле перед моим лицом. Я понимаю, что она не сыта. Она заражена. То, что здесь называют Белой Маткой, не делает её ручной. Только даёт направление.

Я подбираю ком земли и бросаю в сторону палки. Оса взлетает за движением. Мне хватает двух секунд: переваливаюсь на бок, выворачиваю ноги из разрыхлённой ямы и ползу. Тело оказывается легче привычного, зато избито основательно. На левом бедре не держится мышца, под рёбрами режет, ступни босые. Пальцы смыкаются на медном наворачшии.

Палка бьёт током. Белая вспышка проходит до плеча, разжимает руку. Оса разворачивается на свет. Я хватаю палку снова — теперь за обмотанную кожей середину — и машу перед собой. Ничего не происходит.

— Ну конечно, — говорю сквозь стучащие зубы. — Инструкция отдельно продаётся.

Оса идёт в лоб. Я встречаю её деревянным концом. Попадаю не сразу, со второго удара сбиваю в грязь и придавливаю коленом. Жало пробивает штанину, царапает кожу. Ногу обжигает. Я наваливаюсь сильнее, пока хруст под коленом не становится окончательным.

Ещё две осы кружат над ульями, но к яме не спешат. Чужие люди унесли с собой более сильный запах.

Я освобождаю вторую руку, сдираю верёвку, сажусь на край и впервые рассматриваю себя. Штаны из грубой серой ткани, рубаха порвана, грудь в синяках. На предплечьях старые ожоги — мелкие круглые точки, как от капель воска. Руки молодые, но рабочие. Под ногтями не только земля: воск, прополис, жёлтая пыльца. Тело знало улья до меня.

Это немного успокаивает. Совсем немного.

Я подбираюсь к каменному улью на четвереньках. Он не похож на земной: низкий, округлый, сложен из тёмных плит, крышка прижата двумя железными скобами. Летка нет. Вместо него узкая трещина, из которой тянет тёплым воском и гарью.

Двенадцать рабочих внутри. Шесть снаружи. Одна погибла.

Нет. Пятеро снаружи.

Ещё одна точка в связи гаснет, не успев вернуться. Я нахожу пчелу возле разлитого щёлока. Крылья целые, но лапки поджаты. Осторожно подсовываю под неё щепку и переносу к камню. Бесплезное движение — если обожглась щёлоком, не жилец. Но бросить её в грязи не могу.

[Связь с хранителем установлена.]

[Ступень: Горсть.]

[Рабочие особи: 17.]

[Температура хранителя: опасное снижение.]

[Рекомендация: прекратить прямое воздействие.]

— Очень своевременно, — шепчу я.

Прекратить воздействие — прекрасная рекомендация, когда сидишь босиком на ветру, а единственное тёплое место размером с хлебную печь занято насекомыми. Я отнимаю ладонь от камня. Холод сразу становится обычным, человеческим: зубы стучат, пальцы не гнутся, в мокрой рубахе гуляет ветер. Значит, связь действительно жрала тепло, а не просто показывала красивую табличку перед смертью.

Возле разрушенного улья валяется мешок худого. До него шагов десять. Между мной и мешком лежит открытый склон, над которым ходят редкие осы. Я могу остаться у камня и надеяться, что внутри вдруг обнаружатся одеяло, вода и запасная жизнь. Могу рискнуть.

Выбор тяжёлый. Думаю секунды две.

Подбираю медную палку, шест и ползу к ближайшему почерневшему улью. Ноги держат плохо, поэтому сначала передвигаюсь на четвереньках, потом всё-таки встаю. Мир качается. На склоне нет ни дыма, ни тумана, но края предметов дwoятся, а в ушах набатом бьётся молодое сердце. Улей оказывается пустым: рамки выдраны, на дне чёрный сор и несколько высохших личинок. От стенки ещё пахнет мёдом. Слабый запах, старый, почти похороненный гарью, но от него во рту набегают слюна.

Я отламываю кусок крышки. Доска тяжёлая, зато широкая. Ставлю её между каменным ульем и ветром, подпираю шестом. Получается уродливая ширма, которую первый приличный порыв унесёт к соседнему баронству, но возле камня сразу становится тише.

Осы кружат выше. Одна проходит надо мной и не снижается. Запах щёлока и людей тянется к оврагу; пока он интереснее. Я двигаюсь дальше, пригибаясь за ульями. На пятом нахожу кусок холстины, на шестом — ржавую стамеску с обломанным краем. Рука нового тела ложится на деревянную рукоять уверенно, большим пальцем проверяет лезвие. Движение происходит раньше мысли. Хорошо. Кем бы ни был этот Егор до ямы, ульи он открывал не первый год.

Имя всплывает вместе с чужой болью под рёбрами. Егор Сед. Должник. Чернопчельник. Убийца.

Четыре слова, ни одного воспоминания. Я прислоняюсь к стенке улья, переживаю головокружение. Если это память тела, она выдаёт сведения как скаредный бухгалтер: по одному, обязательно без пояснений. Моё собственное имя тоже Егор. Седов. Совпадение могло бы показаться забавным, если бы я не стоял полуголый посреди выжженной пасеки и не пытался вспомнить, кто меня закопал.

Вместо ответа приходит ещё один обрывок: белая комната, запах лекарственного дыма, перчатки на чужих руках. Кто-то прижимает к моему — не моему — запястью горячую печать. Человек за столом говорит: «До утра не дотянет. Зачем тратить верёвку?»

Я смотрю на клеймо. Круг и три линии покраснели от земли, но кожа вокруг давно зажила. Значит, поставили не сегодня. В яме меня не казнили. Меня туда выбросилидохнуть.

— Не дождались, — говорю я невидимому столу.

Голос звучит тише, чем хотелось. Зато мой. Не по тембру — по интонации.

У мешка лежит опрокинутая фляга. Кожаный ремешок лопнул, из горлышка капает вода. Я бросаюсь к ней так резко, что падаю на колено. Подбираю, нюхаю. Вода пахнет кожей и железом, без щёлочи. Первый глоток обжигает разбитый язык. Я заставляю себя не пить залпом: прополаскиваю рот, сплёвываю кровь и только потом делаю два маленьких глотка. Желудок сводит. Тело требует всё сразу, но я завинчиваю пробку. Будет ещё хуже, если вывернет.

В мешке обнаруживаются полкаравая плотного серого хлеба, свёрток соли, огниво, моток тонкой верёвки и рабочая рукавица — одна. Вторая, видимо, на худом, где бы он теперь ни валялся. Ещё там есть круглый жетон из белого воска, завернутый в тряпку. Я разворачиваю его двумя пальцами. На одной стороне выбита пчела с расправленными крыльями, на другой — три цифры и буква, похожая на раздавленного жука. Чёрные пчёлы в камне приходят в движение.

Не тревога. Отвращение тоже не их чувство. Связь передаёт только резкую перемену запаха и готовность закрыть Сердце телами. Несколько рабочих подбираются к трещине.

Я заворачиваю жетон обратно и убираю в мешок. Реакция прекращается не сразу.

— Белый Воск, — произношу я.

Слова широкого. Запах Белой Матки. Люди со знаками, которых осы «знают». Белый жетон. Система пока не помогает складывать два и два, и спасибо ей хотя бы за это. Я не люблю подсказок, выдающих себя за мысли.

До каменного улья возвращаюсь с мешком на плече, стамеской за поясом, медной палкой в руке и крышкой от соседнего улья под мышкой. Вид у меня, наверное, как у бродяги, ограбившего пожар. Но в этот момент я богаче, чем пять минут назад: вода, хлеб, инструмент, верёвка и одна совершенно бесполезная рукавица.

Вторую крышку кладу поверх ширмы. Холстину сворачиваю валиком и затыкаю нижнюю щель с наветренной стороны, не перекрывая пчёлам выход. Земля возле камня чуть теплее. Возможно, нагрелась за день. Возможно, внутри проходит что-то вроде печного канала. Проверить нельзя: две железные скобы держат крышку, а тревожить такую семью сейчас — всё равно что проводить операцию человеку, который ещё не решил, жив ли он.

Я отламываю кусок хлеба. От него пахнет кислым тестом и дымом. Разжёвываю медленно, запиваю одним глотком. В животе становится больно, но голова проясняется. Связь с ульем остаётся где-то на краю восприятия: слабый гул, тепло, семнадцать отдельных движений. Если сосредоточиться, холод снова тянется из груди. Я немедленно отпускаю ощущение.

Одна чёрная пчела выползает из трещины. Та самая, которую я принёс на щепке, или другая — не отличить. Она чистит усики, ползёт по камню и замирает возле моей ладони. Я не двигаюсь. Через несколько секунд пчела касается кожи передними лапками, пробует запах и уходит обратно.

Не доверие. Проверка. Мне подходит.

Перед глазами ползут новые строки, но буквы расплываются. Я опускаюсь спиной на каменный улей. От него идёт слабое тепло. Семнадцать пчёл и матка пытаются согреть друг друга в пустом камне, а я снаружи делаю то же самое, только у меня получается хуже. На тропе больше не кричат.

Ветер приносит запах щёлока, крови и чего-то сладкого, гнилого. Серые осы собираются над дальними яблонями. Рано или поздно они вспомнят о яме.

Я прижимаю ладонь к камню. Связь показывает тёплую точку и семнадцать слабых искр вокруг неё. Ни мёда. Ни расплода. Ни нормального воска. Даже входа, который можно защищать. Семья существует только потому, что ещё не успела понять, что уже погибла. Система, видимо, понимает быстрее.

[Сердце улья: последнее пробуждённое в зоне доступного поиска.]

[Утрата необратима.]

Я закрываю глаза, прислушиваюсь к едва слышному гулу за камнем и впервые за всё это утро позволяю себе испугаться. Не ос. Не чужого тела. Не двух людей, один из которых, возможно, всё ещё ползёт обратно. Того, что я снова останусь единственным живым идиотом возле пустого улья.

Глава 2. Горсть чёрных

Крышку каменного улья удерживают не две скобы, а четыре. Нижнюю пару я замечаю, только когда отползаю на шаг и смотрю сбоку. Железо уходит в землю, будто улей пристегнули к склону на случай, если он решит встать и уйти. Учитывая утро, я уже не готов считать такую предосторожность излишней.

Стамеска входит под верхнюю скобу на толщину ногтя. Я нажимаю. Железо не шевелится, зато лезвие жалобно хрустит. Из трещины появляются две чёрные головы.

— Спокойно, — говорю я и сам слышу, насколько по-дурацки это звучит.

Пчёлам всё равно, что я говорю. Зато им не всё равно, что я сую железо в единственную щель их жилища. Связь отзывается тревогой — не страхом и не злостью, а мгновенной готовностью закрыть Сердце. Семнадцать слабых рабочих собираются возле матки. Две на входе разворачиваются брюшками наружу. Я убираю стамеску.

На Земле я бы сначала послушал семью, посмотрел облёт, оценил вес корпуса, приготовил запасную рамку и только потом полез внутрь. Здесь у меня нет ни рамки, ни корпуса, ни понятия, что внутри. Есть одна рукавица на две руки и способность замёрзнуть по собственному желанию. Набор начинающего мага-пасечника, которого разумный человек выгнал бы с курсов после первого занятия.

Обхожу камень кругом. С тыльной стороны к нему примыкает низкая земляная насыпь. В ней видны круглые отверстия, забитые золой. Провожу пальцем по одному. Изнутри тянет слабым теплом.

Печь. Или что-то похожее. Древние хозяева грели каменный улей снизу, не заставляя пчёл тратить все силы на температуру. В насыпи должен быть канал и топка. Я разгребаю золу стамеской, нахожу узкую каменную дверцу, за которой лежат угольки — совершенно холодные, но сухие.

Огниво из мешка оказывается не земным кремнем. Две тёмные пластинки, соединённые ремешком. Я ударяю их друг о друга, получаю синюю искру и ожог на большом пальце. Со второй попытки искра попадает в сухую траву. Та вспыхивает сразу, почти без дыма.

— Хоть что-то здесь сделано для людей.

Система молчит. Видимо, не согласна.

Я не разжигаю топку сразу. Сначала прочищаю канал шестом, выгребаю оттуда старую осиную бумагу, комья мёртвых личинок и серую труху. Трупные осы использовали тёплую полость как гнездо. Свежих следов нет, но от одной мысли о том, что под маткой мог сидеть такой сюрприз, кожа на спине вспоминает все укусы заранее.

Для растопки разбираю один из сгоревших ульев. Беру только сухие внутренние планки, без плесени и подозрительного налёта. Дым от большого воска способен добить семью быстрее мороза. Кладу щепу, сверху пару кусков чистой древесины, поджигаю и закрываю дверцу наполовину. Через минуту камень начинает прогреваться.

Связь меняется. Рабочие расходятся от матки, занимают больше места. Одна выходит наружу, делает короткий круг и садится на край трещины, выставив голову к солнцу.

[Температура Сердца: повышается.]

[Запас: критический.]

[Доступная живая пыльца: не обнаружена.]

Вот и хорошая новость. Семья может умереть не от холода, а от голода. Выбор способа гибели обычно успокаивает.

Я смотрю на склон. Сухая трава, обгоревшие яблони, пепел. Ни одуванчиков, ни донника, ни клевера. У дальней межи зеленеет полоса кустов, но до неё метров триста и над ней всё ещё висят осы. Семнадцать рабочих в нормальной семье — незаметная потеря одного неудачного

дня. Здесь каждая должна летать, греть, чистить и кормить матку. Если половина уйдёт на разведку и не вернётся, конец.

Лезу в мешок, достаю хлеб. Сахарного сиропа нет. Сам хлеб пчёлам бесполезен, соль — вредна. Можно размочить мякиш, но они не куры. На доньшке фляги вода. Мёд мог остаться в старых ульях, однако запах, который я чувствовал, слабый и прогорклый. Кормить неизвестным мёдом семью — отличный способ передать ей всё, что убило предыдущие.

Я сижу на корточках, перебираю варианты и ловлю себя на желании спросить Систему, где найти пыльцу. Не спрашиваю. Если она умеет отвечать, пусть сначала научится говорить без табличек. Если не умеет, буду выглядеть идиотом даже без свидетелей.

Пчела на камне поднимается и летит к яме, из которой я вылез. Кружит над выброшенной землёй, опускается возле отпечатка моей головы. Там, в комке суглинка, торчит маленький цветок — четыре бледно-жёлтых лепестка, стебель прижат сапогом. Утром я его не заметил.

Пчела садится. Цветок почти не пахнет, но связь улавливает слабую тёплую нить. Живая пыльца. Рабочая долго возится между лепестками, счищает серый налёт передними лапками и только потом добирается до середины. Обножка на задних ногах получается крошечная, размером с песчинку. Она возвращается в улей.

[Живая пыльца обнаружена.]

[Качество: низкое.]

[Загрязнение: 31%.]

Тридцать один процент чего — не уточняется. Пчела ползёт внутрь, а серый налёт остаётся на её волосках. Рабочие встречают её у входа и начинают чистить. Серую пыль они не заносят к матке: скатывают в маленький комок и выталкивают наружу. Комок падает на камень, шипит и оставляет тёмную точку.

Я наклоняюсь ближе. Пахнет той же сладкой гнилью, которую приносил ветер от ос.

— Значит, вы не едите эту дрянь, — тихо говорю я. — Вы её отделяете.

Пчёлы не отвечают. Разведчица снова взлетает и идёт к единственному цветку.

Одним цветком семью не прокормишь. Но если он вырос здесь, рядом могут быть другие. Я отламываю ещё хлеба, запиваю водой и отправляюсь вдоль склона, не удаляясь от камня дальше, чем чувствую матку без усилия. Каждые десять шагов останавливаюсь. Ноги перестали дрожать, зато под левым ребром при вдохе будто поворачивается нож.

За первым рядом ульев нахожу ещё два жёлтых цветка. Один серый целиком, второй сохранил чистую середину. Дальше, в тени каменной стены, растёт низкий куст с фиолетовыми кистями. Пчёлы его игнорируют. Я растираю лист между пальцами — пахнет горечью и кошачьей мочой. Правильное решение, девочки. Под стеной лежит широкий.

Сначала я вижу сапоги. Потом кожаный фартук, изрезанный жвалами, и руку, зажатую между камнями. Сетка сорвана. Лица почти нет — не потому, что осы его съели, а потому, что оно распухло и стало бело-синим. На губах засохла пена. Грудь не движется.

Я стою над ним, опираясь на шест. Утром он ждал, когда меня начнут есть. Сейчас было бы удобно почувствовать удовлетворение. Не чувствую. Только усталость и раздражение: мёртвый человек превращается в работу, вопросы и запах, который снова приведёт ос.

На виске у него осталась медная бляха. Я осторожно снимаю её стамеской, не касаясь кожи. Бляха пришта к обрывку серебряной сетки, с обратной стороны углубление, заполненное белым воском. Тот же знак пчелы, что на жетоне.

Подношу к камню не ближе двух шагов. Чёрные рабочие у входа начинают метаться. Убираю бляху в отдельный край мешка.

У широкого нахожу нож в деревянных ножнах, кошель с шестью медными монетами, свисток и сложенную бумагу. Бумагу читать не получается. Знаки выглядят знакомо ровно до момента, когда пытаюсь сложить их в слова. Потом расползаются. Я различаю рисунок пасеки,

чёрный круг возле каменного улья. Память тела узнаёт подпись: Восс. Остальное пока бессмысленно.

Нож беру. Кошель тоже. Свисток оставляю. Вдруг его звук зовёт ос, старосту или налоговую — в моём положении все три варианта одинаково неприятны.

Тело надо убрать от пасеки. Тащить его я не могу. Ноги широкого весят больше меня, а рёбра протестуют уже от попытки перевернуть. Приходится использовать петлю. Накидываю на лодыжки, пропускаю верёвку через развилку сухой яблони и тяну. Труп сдвигается по земле на ладонь. Второй рывок — ещё на пол-ладони.

Через десять минут я вымотан сильнее, чем после разгрузки двадцати магазинов. Зато тело лежит в старой канаве за стеной, прикрыто крышкой улья. Не могила, но запах уходит вниз по ветру.

Пока возился, солнце опустилось. Тень от стены накрыла каменный улей. Температура Сердца снова поползла вниз.

Я возвращаюсь, подбрасываю древесину в топку и устраиваюсь рядом. Спать нельзя: канал неизвестный, камень может перегреться. Да и осы никуда не исчезли. Они держатся над дальней межой, иногда отдельные точки проходят над склоном. В мешке у меня хлеба на день, воды меньше половины фляги. Завтра придётся идти к людям, если люди раньше не придут ко мне.

От этой мысли я почему-то вспоминаю бывшую жену. Не лицо — привычку ставить чашку на край стола, где я обязательно задевал её локтем. Она говорила, что я лучше понимаю матку с дефектным крылом, чем человека, который двадцать лет живёт рядом. Я отвечал, что матка хотя бы не требует догадаться, почему обиделась. Очень зрелый разговор двух взрослых людей. Закончился он тем, что чашка всё-таки упала, а через месяц я один перевозил ульи на новый участок. Теперь рядом семнадцать пчёл, и я снова делаю вид, будто этого достаточно.

Ночью температура падает резко. Земля ещё отдаёт дневное тепло, но ветер пробирается под ширму. Я поддерживаю маленький огонь в канале, прикладываю ладонь к разным сторонам камня, слежу, чтобы он не нагрелся неравномерно. Один раз засыпаю сидя. Просыпаюсь от того, что подбородок бьётся о грудь, а перед глазами висит предупреждение.

[Сердце: переохладение.]

Огонь погас. В топке остались красные точки.

Я бросаю щепу, дую, но пальцы не слушаются. Искра не цепляется за влажную траву. Внутри улья рабочие снова собрались в крошечный клуб. Матка в центре, её тепло слабеет.

Можно бежать за дровами. Нельзя оставлять топку. Можно разломать ширму. Тогда ветер добьёт огонь. Можно снова отдать своё тепло. Я прислоняюсь спиной к камню и устанавливаю связь.

На этот раз холод не обрушивается. Он приходит осторожно, будто кто-то открывает в груди маленький кран. Я ощущаю матку — тяжёлую, медленную. Ощущаю рабочих, которые дрожью мышц нагревают воздух. Не приказываю им двигаться. Просто держу направление тепла от себя к камню, пока другой рукой высекаю искру. Трава вспыхивает.

Я успеваю подбросить щепу и закрыть дверцу. Потом связь обрывается сама. Меня выворачивает на землю. Желудок почти пуст, выходит вода и горечь. Руки сводит так, что ногти впиваются в ладони. Я лежу возле топки, слушаю, как постепенно разгорается дерево, и матерюсь без изобретательности, зато долго. Когда могу поднять голову, строки перед глазами уже другие.

[Температура Сердца: допустимая.]

[Температура хранителя: критическая.]

— Да пошёл ты, — говорю Уставу.

Ответа нет. Возможно, это самое здоровое общение, которое у меня здесь сложилось.

Утром меня будит не погода и не героическое предчувствие. Кто-то наступает на медную палку. Она трещит белым, человек орёт, а я просыпаюсь уже с ножом в руке и совершенно не понимаю, откуда он там взялся.

Перед ширмой скачет бородатый мужик в домотканой куртке. На правом сапоге дымится подошва. Второй человек, помоложе, держит вилы. За ними стоит женщина в тёмно-зелёном платье и длинном сером переднике. Волосы убраны под косынку, через плечо перекинута кожаная сумка. Она единственная не смотрит на нож. Её интересует моя рука.

— Не двигайся, — говорит она.

— Это обычно советуют тому, на кого направили вилы.

Молодой крепче сжимает древко.

— Положи нож, убийца.

Я медленно кладу нож на землю, но не отталкиваю. Бородатый тем временем отпрыгивает от палки и начинает ругаться. Подошва у него цела, только край почернел.

— Я говорил, не трогать железо, — замечает женщина.

— Оно валялось!

— Так и ты когда-нибудь будешь валяться. Это не повод наступать.

Мне она начинает нравиться. Совсем немного и строго до первой попытки поджечь улей.

Такая попытка уже готовится. За спинами троицы стоят ещё четверо. Один тащит связку сухого хвороста, другой — глиняный горшок с крышкой. От горшка пахнет смолой. На тропе сидит худой, вчерашний зубастый. Лицо распухло, один глаз закрыт, руки замотаны тряпками. Увидев, что я смотрю, он вскакивает.

— Это он! Он чёрных выпустил! Рема сожрали!

— Рем лежит в канаве за стеной, — говорю я. — Если «сожрали» теперь значит «распух и умер», то да.

Люди переглядываются. Бородатый перестаёт тереть сапог.

Женщина приседает передо мной на расстоянии вытянутой руки. Глаза серые, внимательные, под левым — след бессонной ночи. Она не выглядит испуганной, но держит локоть близко к боку: там под передником угадывается рукоять короткого клинка.

— Я Мара Вельская. Травница Рябого Брода. Покажи ногу.

— Какую?

— Которую ужалила оса. Зубан говорит, ты получил жало и не умер.

Худого, значит, зовут Зубан. Иногда мир не тратит силы на выдумку.

— Царапнула. Не ужалила.

— Покажи.

Я подтягиваю штанину. На коже красная полоса, вокруг неё сероватое пятно. Мара наклоняется, не касаясь, нюхает. Потом достаёт из сумки стеклянную палочку, проводит по краю пятна. Кончик темнеет.

— Сажа, — говорит она.

— На осах такой же налёт.

— Ты успел рассмотреть?

— Они были близко.

Зубан с тропы выкрикивает:

— Он ими правил! Руку поднял, и они на нас!

— Я был закопан по подбородок, — отвечаю я. — Какую руку?

Кто-то из людей хмыкает. Молодой с вилами оглядывается на него и тут же снова делает суровое лицо.

Мара переводит взгляд на каменный улей. У входа сидят три чёрные рабочие. От утреннего тепла они оживились, чистят усики, готовятся к облёту.

— Значит, правда, — произносит бородатый. — Чёрная семья.

— Горсть, — говорю я. — Семнадцать рабочих и матка. Мёда нет, расплода нет. Если вы собираетесь героически с ними воевать, советую позвать ещё войско.

— Чёрных не считают, — резко говорит мужчина с горшком. — Их жгут.

Он ставит смолу на землю, снимает крышку. Запах доходит до улья. Связь сразу сжимается: рабочие уходят внутрь, две остаются у трещины.

Я поднимаюсь. Ноги подкашиваются, приходится опереться ладонью о камень. Мара замечает это и делает движение ко мне, но останавливается.

— Почему жгут? — спрашиваю я.

— Потому что от них Роевая погибель пришла, — отвечает бородатый. — Они белые семьи режут, детей жалют, скотину с ума сводят.

— Эти семнадцать вчера сидели в камне, пока серые осы не начали жрать моё лицо. Потом ужалили одного человека, который ударил их огнём. Второго не тронули, пока тот не залил щёлоком землю. Страшная погибель. Особенно для идиотов.

Мужчина со смолой делает шаг. Молодые пчёлы у входа разворачиваются к нему.

— Стой, — говорит Мара.

— Мы за этим пришли.

— Я сказала — стой, Гран.

В её голосе нет угрозы. Просто человек, привыкший, что кипящий отвар не станет холоднее от чужого упрямства. Гран замирает, но горшок не закрывает.

Мара подходит к камню сбоку. Медленно снимает одну перчатку, показывает пустую ладонь и кладёт её на землю в шаге от входа. Пчёлы следят за движением. Ни одна не взлетает.

— Ближе не надо, — предупреждаю я. — Матка за этой стенкой. Они слабые, а слабая семья защищается иногда злее сильной.

— Ты ими управляешь?

— Нет.

— Зубан говорит другое.

— Зубан вчера с ведром щёлока управлял собственной судьбой. Получилось заметно.

Закрытый глаз Зубана дёргается. Он хочет ответить, но Мара поднимает два пальца, и тот замолкает.

— Почему они тебя не жалют?

— Проверили запах. Решили, что пока полезен.

— Пчёлы не решают.

— Эти тоже не устраивают совет. Я говорю проще.

Мара смотрит на меня долго, без попытки поймать на слове. Потом её внимание цепляется за жёлтый цветок возле ямы. На нём работает чёрная пчела. Цветок наполовину серый, но вокруг середины лепестки чистые.

— Она снимает налёт, — говорит Мара.

— Отделяет от пыльцы. Комки выносит наружу.

— Покажи.

— Я не могу приказывать ей сходить за доказательством. Подождём.

Люди начинают переговариваться. Гран ворчит, что ждать возле чёрного улья — всё равно что держать ладонь над огнём и надеяться не обжечься. Бородатый возражает, что горшок смолы никуда не денется. Молодой с вилами садится на корточки, но оружие не выпускает. Мы ждём.

Пчела обходит цветок, набивает крошечные корзиночки и летит к камню. Никто не двигается. У входа её встречают две рабочие. Они чистят сборщицу, скатывают серый комок и выталкивают наружу. Комок падает возле босой ноги Мары.

Она подхватывает его стеклянной палочкой. Тот шипит, кончик чернеет сильнее, чем от моей раны.

— Это та же сажа, — говорит она. — Но в пылице её меньше.

— Потому что остальное осталось снаружи.

Мара смотрит на цветок, потом на серых ос над межой.

— Белые пчёлы так не делают.

— А ты видела?

— Я пять лет проработала в маточном доме.

Первый личный факт, который она отдаёт, сразу превращается в новый вопрос. По лицам людей вижу: для них это не тайна, но и не тема для утреннего разговора. Гран закрывает горшок.

— До старосты, — говорит он. — Только до её слова. Если Рада скажет жечь, я вернусь.

— Возьми сухую смолу, — советую я. — Эта отсырела.

Он смотрит так, будто готов открыть горшок специально ради меня, но бородатый хлопает его по плечу и отводит назад. Мара остаётся. Она ждёт, пока остальные отойдут к тропе, затем достаёт из сумки маленькую бутыль.

— Сними рубаху.

— У вас знакомство всегда начинается с угрозы сжечь, потом сразу это?

— Если продолжишь болтать, начну с рёбер без обезболивания.

Снимаю. Ткань присохла к боку, приходится отрывать. Мара осматривает синяки, осторожно нажимает под левым ребром. Я втягиваю воздух и чуть не хватаю её за руку.

— Не сломано, — говорит она. — Трещина или сильный ушиб. Ляг.

— Возле улья?

— Возле улья ты уже лежал. Ничего нового.

Она промывает царапину на ноге. Жидкость пахнет мятой и уксусом. Серое пятно светлеет, но не исчезает. Затем берётся за запястье с клеймом.

Пальцы у неё тёплые. Связь с ульем почему-то отмечает это раньше меня.

Мара переворачивает руку. Лицо меняется не сильно — просто губы становятся тоньше.

— Ты знаешь, что это?

— Похоже на клеймо. Подробную инструкцию мне не выдали.

Она отпускает запястье, но не отстраняется.

— Знак кровного должника. Его ставят за убийство хозяина земли или смотрителя. Такое клеймо было только у одного человека в нашей долине.

Слова из чужой памяти снова поднимаются: должник, чернопчельник, убийца. Теперь у них появляется вес.

— Его звали Егор Сед, — продолжает Мара. — Он отравил чёрным мёдом Яна Керта, смотрителя этой пасеки. Ян умер три недели назад. Егора должны были судить, но Гильдия объявила, что он не переживёт дознание.

Она смотрит на моё лицо, будто пытается увидеть под кожей того человека.

— Я Егор, — говорю я. Это единственная часть правды, которую могу отдать без долгих объяснений. — Но Яна Керта я не помню.

— Удобно.

— Очень. Особенно яма понравилась.

Мара не улыбается. Берёт мою флягу, встряхивает, морщится от плеска на дне и протягивает свою. Я пью осторожно.

— Чёрный мёд считался исчезнувшим семьдесят лет, — говорит она. — Потом Ян умирает от него. Через три недели в мёртвом улье появляется живая чёрная матка, а обвинённый пасечник встаёт из ямы. Слишком много совпадений.

— Для меня — тоже.

— Рада даст тебе день. Может, два. Потом решит, что опаснее: оставить тебя или сжечь вместе с камнем.

— Камень плохо горит.

— У Белого Воска есть составы и для камня.

Она собирает инструменты, но перед тем как закрыть сумку, кладёт рядом со мной свёрток чистой ткани и маленький пакет сушёных листьев.

— Заваришь две щепоти. Не больше. От боли и жара.

— У меня нет котелка.

Мара оглядывает разгромленную пасеку.

— У Яна был дом ниже по склону. Если его ещё не разобрали, найдёшь посуду. И документы. Может быть, даже память, которую так удобно потерять.

Она уходит к людям. Зубан пропускает её вперёд и плюёт в мою сторону, но не приближается. Гран несёт смолу под мышкой. Бородатый оборачивается последним, кивает на канаву, где лежит Рем.

— К вечеру заберём тело.

— Заберите. И спросите у Зубана, кто велел им ждать ос.

Зубан ускоряет шаг. Когда люди скрываются за межой, я сажусь у камня. Чёрная рабочая возвращается с цветка, и у входа снова появляется серый комок. Рядом на земле лежит белый восковой жетон, который я достал из мешка, пока Мара перевязывала бок. Пчёлы держатся от него подальше.

Я кладу жетон на ладонь. На обратной стороне три цифры складываются в число, но знак под ними по-прежнему не читается. Восс велел дожждаться ос. Белый Воск заранее отметил каменный улей. Ян умер от мёда, которого якобы не существует. Тело Егора отравили и выбросили, не довезя до суда.

Голова предлагает простой вывод: бежать. У меня есть молодой организм, нож, шесть монет и удивительная способность находить неприятности в любой вселенной. Но стоит представить, что я ухожу, связь с маткой натягивается тонкой холодной нитью. Каменный улей не перенести. Семнадцать рабочих не проживут без корма. А люди со смолой вернутся. Я убираю жетон в мешок и подбрасываю дрова в топку.

Похоже, покойный Егор Сед оставил мне не жизнь. Он оставил спор, который не успел закончить.

Глава 3. Чужой долг

Дом Яна находится не ниже по склону, а почти под ним. Дорога делает два поворота между террасами, проходит мимо высохшего колодца и упирается в крышу, заросшую мхом. Сверху кажется, что строение вкопали в землю для маскировки. Вблизи выясняется: его просто много лет не ремонтировали.

Я спускаюсь медленно. Медную палку оставил возле каменного улья под доской — таскать незнакомое оружие в дом покойника не вижу смысла. Мешок за плечом, нож у пояса, стамеска в руке. Матка ощущается слабой тёплой точкой за спиной. На середине дороги связь истончается, но не исчезает. Дальше идти не хочется. Не из нежности: если возле улья появятся люди со смолой, я узнаю слишком поздно.

Дверь дома открыта. Замок висит на одной петле, древесина возле скобы свежая. Значит, сюда уже заходили после смерти Яна и не просили ключа.

Внутри прохладно. Слева печь, справа стол, дальше узкая лежанка и стеллажи. Запах такой, какой бывает в старой пасечной после зимы: воск, мыши, сухая трава, немного плесени. Только поверх всего лежит горькая металлическая нота. Та же, что шла от дыма в разграбленных ульях.

Я стою на пороге, пока глаза привыкают. Дом не просто обыскали. Его раздели. Ящики выдвинуты, матрас вспорот, доски возле печи подняты. С полок забрали банки, оставив круглые следы в пыли. На полу валяется глиняная кружка без ручки и разбитое сито.

— Документы, значит, — бормочу я. — Конечно. Они лежат сверху, подписаны и ждут убийцу с потерей памяти.

В ответ в стене скребётся мышь. Первым делом ищу котелок. Нахожу медный ковш под печью, весь в саже, зато без дыр. Потом две деревянные миски, ложку и кувшин с засохшим дном. В бочке у дальней стены вода пахнет тиной. Для питья не годится, для мытья — после кипячения.

На крюке висит старая пасечная куртка. Подкладка выдрана, рукава целы. Я надеваю её поверх своей рваной рубахи. Куртка велика новому телу, что само по себе приятно: впервые за день мне досталось что-то с запасом.

В нижнем ящике стола лежат инструменты. Скребок, щипцы, моток проволоки, нож для распечатки сот, деревянная форма и три странных пластины из тёмного стекла. Рука Егора Седа узнаёт предметы раньше меня. Скребок — обычный. Щипцы нагревают, чтобы вытягивать испорченные ячейки. Форма для... память запинаясь, даёт вспышку рук Яна, которые прижимают к доске тонкий лист чёрного воска.

— Давай, — говорю я чужой памяти. — Не стесняйся.

Ничего. Зато в стенке ящика замечаю царапины. Они идут полукругом вокруг одного сучка. Нажимаю. Дно поднимается. Под ним нет завещания и признания Восса, только плоский свёрток промасленной ткани. Внутри — кусок старого сота размером с ладонь.

Он почти чёрный, но цвет не естественный. Старые соты темнеют от коконов и прополиса равномерно, а здесь ячейки покрыты пятнами, словно их окунали краем в чернила. Посередине проходит белёсая полоса. Запах металлический, с полынью.

Я не касаюсь воска голой рукой. Беру щипцами, подношу к окну. В ячейках засохли крупинки серого порошка. Такой же налёт был на осах, но здесь он спёкся, стал жирным.

Чужая память отвечает болью. Ян стоит у этого стола — сухой старик с седой бородой, ругается, потому что руки дрожат. Я, тот другой Егор, держу рамку. Ян говорит: «Не наша дрянь. Слышишь? Не наша. Чёрные чистят, а это их заставляет жрать». Потом стук в дверь. Ян мгновенно заворачивает сот, толкает меня к заднему выходу. Вспышка гаснет.

Я остаюсь у окна со щипцами в руке. Сердце бьётся часто, но не из-за слабости. Первый настоящий кусок прошлого — и он не похож на воспоминание убийцы. Похож на работу двух людей, которые нашли проблему и не успели договорить.

В промасленной ткани есть ещё что-то: тонкая восковая пластина, исписанная знаками. Я различаю отдельные цифры, слова уплывают. Зато внизу отпечаток знакомой белой пчелы перечёркнут ножом.

Складываю находку обратно и прячу во внутренний карман куртки. Если люди Восса вернутся, под половицей искать будут в первую очередь. На себе надёжнее, пока не раздели.

Котелок и бочковую воду уношу наверх. Дорога даётся хуже, чем спуск. На каждом повороте останавливаюсь, прижимаю локоть к рёбрам. Молодое тело старается, но его до меня травили, били и морили голодом. Я не получил новую жизнь в подарочной упаковке. Мне выдали чужой инструмент после плохого хозяина и забыли приложить гарантию.

У каменного улья всё спокойно. Пять рабочих летают к жёлтым цветкам, остальные остаются внутри. Я кипячу воду на маленьком костре, бросаю две щепоти листьев Мары. Отвар пахнет горькой мятой. Пью половину, вторую оставляю. Боль в рёбрах не исчезает, но становится тупее.

Затем раскладываю инструменты. В доме Яна нашлась маленькая деревянная кормушка с узкой прорезью. Если поставить в неё сладкий раствор, рабочие смогут брать понемногу. Сладкого у меня нет. Серый хлеб почти не содержит того, что им нужно. В одной из пустых банок на стеллаже оставался засахаренный след, но запах затхлый, неизвестный. Система настойчиво показывает «запас: критический», будто я способен накормить семью самой формулировкой.

Я растираю между пальцами крошку хлеба, пробую на язык. Кислый, чуть сладковатый. Можно вымыть растворимые сахара тёплой водой, процедить через ткань. Получится слабая подкормка, хуже сиропа, но лучше пустоты. Дрожжи и соль в улей не должны попасть.

Размачиваю мякиш в ковше, долго мну ложкой, потом процеживаю через чистый край ткани, которую дала Мара. Жидкость мутная, пахнет хлебом. Я ставлю кормушку возле трещины, не внутрь, и жду.

Первая пчела выходит через минуту. Пробует край, отступает, чистит усики. Потом снова подходит. Берёт каплю. Связь передаёт не удовольствие — простую смену состояния: источник найден. Ещё две рабочие выбираются следом.

[Доступный корм: низкое качество.]

[Риск брожения: высокий.]

— До вечера уберу, — обещаю я. — Не командуй.

Табличка исчезает. К середине дня на пасеку возвращаются за Ремом. Бородатого зовут Терен. Это выясняется, когда он кричит молодому с вилами:

— Терен, значит, держит ноги, а ты, Мал, за красивое лицо отвечаешь?

— У него лица нет, — отвечает Мал.

— Тогда тебе повезло. Бери плечи.

Они заворачивают тело в грубую ткань. Зубана с ними нет. Гран тоже не пришёл. Вместо них на дороге ждёт телега, а возле неё стоит низкая седая женщина в чёрном платке. Она опирается на посох, но не из слабости — просто удобнее указывать им, кому и что делать.

— Это Рада Коваль, — говорит Терен, заметив мой взгляд. — Староста.

— Поедешь с нами, — произносит Рада. Не здороваются. — Решим, что с тобой делать.

— У меня топка.

— Огонь Мал посмотрит.

Мал замирает с телом на руках.

— Я?

— Ты. Не война же там.

— Чёрные пчёлы.

— Семнадцать штук, — говорю я. — Если не полезешь руками в щель, переживёшь.

— А если полезу?

— Тогда староста найдёт нового Мала.

Рада смотрит на меня, на каменный улей, на самодельную ширму. Её взгляд задерживается на кормушке.

— Уже хозяйничаешь.

— Кто-то должен.

— Ян тоже так говорил.

Она разворачивается к телеге. Я забираю мешок, оставляю Малу ковш с водой и объясняю про топку. Он слушает напряжённо, словно я учу обезвреживать бомбу. В каком-то смысле так и есть.

Рябой Брод стоит по обе стороны мелкой реки, которая летом едва достаёт телеге до ступиц. Дома вытянуты вдоль воды, между ними сады. Большая часть яблонь цветёт странно: белые шапки густые, а запаха почти нет. Пчёл тоже не слышно. Иногда над ветками проходят одиночные белые точки, летят ровно, без привычных кругов разведки.

Люди замечают меня раньше, чем телега въезжает на первую улицу. Женщина у колодца бросает ведро и крестит грудь двумя пальцами. Мальчишки идут следом, пока Терен не оборачивается. На крыльце лавки сидят трое мужчин; разговор прекращается. Клеймо на запястье прятать поздно, но я всё же натягиваю рукав.

Тело Рема везут впереди, я иду рядом. Хорошая композиция для возвращения невинного человека в общество.

Возле моста телега останавливается. У переднего колеса выскакивает чека, и Терен, ругаясь, лезет в воду искать железный палец. Рада остаётся на берегу. Я тоже: если наклонюсь сейчас, ребро, кажется, само выберет себе новое место.

Набежавшие дети держатся за изгородь. Самый маленький, лопухий, разглядывает клеймо на моей руке. Его старшая сестра тянет мальчишку назад, но тот упирается.

— Это правда, что чёрные пчёлы человека изнутри едят? — спрашивает он.

— Только тех, кто не моет уши.

Мальчишка закрывает ладонями уши. Девочка сначала пугается, потом понимает и сердито шепчет:

— Врёт он, Лек. Пчёлы в уши не лезят.

— Тогда зачем он такой страшный?

— Это я ещё утром не причесался, — объясняю я.

Рада стучит посохом по ограде. Дети разбегаются, но не далеко — прячутся за яблоней. На шум из крайнего дома выходит женщина с полотенцем через плечо. Она видит тело на телеге и садится прямо на ступеньку.

— Рем? — спрашивает тихо.

Терен перестаёт шарить в воде. Мокрые руки замирают на колесе.

— Рем, Нила.

Женщина не плачет. Смотрит на свёрток, на торчащие сапоги, потом на Зубана, которого в телеге нет. Её лицо словно постепенно собирается из отдельных жёстких частей.

— С Белым Воском пошёл?

— По наряду.

— А он? — Нила показывает на меня.

— Его судить будем, — отвечает Рада.

Я хочу сказать, что Рема убили осы, что он сам пришёл смотреть мою смерть, что мне жаль ровно настолько, насколько может быть жаль незнакомого человека, державшего петлю. Ничего не говорю. Для неё это не работник с кожаным фартуком. Для неё сапоги знакомые.

Нила подходит к телеге и поправляет ткань возле его ног. Потом поворачивается к Раде.

— Зубан где?

— У Мары был. Живой.

— Значит, говорить может.

— Может, — подтверждаю я. — Особенно когда никто не спрашивает.

Она смотрит на меня, и я жду ненависти. Вижу только усталость.

— Рем за два белых веса пошёл, — говорит Нила. — У нас старшая в горячке. Белый мёд на исходе, в лавке цену подняли. Кто дал наряд?

— Восс, — отвечаю я.

Рада резко поворачивает голову, но поздно. Имя уже произнесено. Нила проводит ладонью по сапогу мёртвого мужа.

— Конечно, Восс. Кто же ещё платит живым за мёртвую работу.

Она возвращается в дом. Дверь закрывается без хлопка. Терен находит чеку, забивает камнем и долго не поднимает глаз.

— У вас мёдом лечат горячку? — спрашиваю я.

— Белым тихим, — отвечает он. — Если деньги есть.

— А если нет?

— Тогда Мара ругается и лечит тем, что есть.

Рада подаёт ему тряпку.

— Не начинай считать чужие деньги, Егор. Сначала разберёмся с твоими.

— Я не считаю. Я запоминаю.

Мимо нас проходит белая пчела. Летит низко над водой, цепляет поверхность лапками, резко взмывает и уходит к саду. Нормальная рабочая в такой день набрала бы воду у влажного берега, проверила цветы возле домов, сделала ориентировочный круг. Эта движется, как игла по проведённой линии.

Рада тоже её замечает. Лицо остаётся неподвижным, а посох дважды ударяет по земле — один и тот же короткий ритм. Нервная привычка. Полезно знать.

Дом старосты ничем не выделяется, кроме длинного навеса и очереди. Под навесом ждут женщина с корзиной яиц, старик с перевязанным ухом, двое работников в одинаковых серых куртках. Увидев Раду, они начинают говорить одновременно. Она поднимает посох.

— Сначала мёртвый. Живые умеют ждать.

Рема уносят в сарай. Рада ведёт меня не в дом, а в пристройку с большим столом. На стенах связки дощечек, шнуры с узлами, мешочки с печатями. Садится у окна, снимает платок и оказывается моложе, чем я решил: не больше шестидесяти. Волосы совсем белые, лицо сухое, глаза тёмные.

Терен остаётся у двери. Мара уже здесь. Она раскладывает на столе стеклянные палочки и маленькие бумажные пакеты. Увидев мою куртку, спрашивает:

— Дом нашёл?

— Нашёл. Кто-то до меня искал усерднее.

— И что вынес?

— Котелок.

— Значит, память не вернулась.

— Вернулась бы — вынес два.

Рада стучит костяшкой по столу.

— Хватит. Мара говорит, ты не похож на умирающего.

— Очень стараюсь разочаровать.

— Гильдия прислала бумагу, что после допроса ты не доживёшь до суда. Просила разрешения оставить тело на старой пасеке для приманки трупных ос. Я разрешила.

Она говорит это прямо, без оправданий. Я кладу ладони на стол, чтобы не сжать кулаки.

— Почему?

— Потому что три недели назад Ян Керт умер у Мары на столе. До этого он называл твоё имя. В твоём доме нашли банку чёрного мёда. На твоих руках был его воск. Ты признался при двух служителях Белого Воска.

— Я не помню признания.

— Все убийцы внезапно слабеют памятью, когда видят верёвку.

— Верёвку на мне решили сэкономить.

Рада не отводит глаз.

— Ошиблись.

— В чём именно? В том, что я виноват, или в том, что выжил?

Терен у двери переступает с ноги на ногу. Мара собирается вмешаться, но Рада отвечает сама:

— Пока не знаю.

Это честнее, чем я ожидал. Я достаю из мешка бумагу Рема, кладу на стол. Потом белый жетон и медную бляху. Пчёл рядом нет, но от воска всё равно хочется вытереть пальцы.

— Эти двое пришли убедиться, что меня доедят осы. Рем носил это. Зубан сказал, что приказал Восс.

Рада не прикасается к бумаге. Мара берёт её щипцами, разворачивает.

— Наряд на зачистку, — читает она. — Мёртвая Пасека, старые корпуса, заражённый воск. Каменный улей отмечен отдельно: вскрыть после гибели носителя. Подпись Редара Восса, младшего инспектора.

— Носитель — это я?

— Не написано.

— А других закопанных рядом не было.

Рада берёт жетон, переворачивает.

— Номер Рема. Бляха от сетки. Всё это доказывает, что он работал по наряду.

— Наряд включает ожидание, пока меня сожрут?

— Нет, — говорит Мара. — Там написано «проверить отсутствие признаков жизни».

— Проверили обстоятельно.

Рада откладывает жетон.

— Рем мёртв, Зубан едва ходит. Они скажут, что ты натравил ос.

— Уже сказал.

— И ты привёл чёрных пчёл.

— Они были в камне до того, как я вылез.

— Откуда ты знаешь?

Я чуть не отвечаю про Систему. Успеваю остановиться.

— Услышал. Потом увидел.

Рада поворачивается к Маре.

— Сжечь?

Вопрос задаётся так же буднично, как «солить?». Мара проводит пальцем над чёрной отметкой на стеклянной палочке.

— Не сейчас. Они снимают сажу с живой пыльцы. Я хочу понять как.

— А если они и принесли сажу?

— На осах её больше. В ране Егора тоже есть, но яд не осиный. Его травили до ямы.

В комнате становится тихо. Терен перестаёт опираться о косяк.

— Уверена? — спрашивает Рада.

— Я не сказала, что он невиновен. Я сказала, что Гильдия передала нам отравленного человека и соврала о причине его состояния.

Рада медленно кивает. Потом достаёт из ящика толстую дощечку, покрытую мелкими знаками.

— Даже если не убийца, ты должник. Земля баронская. Пасеку Ян держал по праву смотрителя. Ты арендовал у него четыре пустых корпуса и домик у нижней межи. За весну не отдал ни меры мёда. После смерти Яна его доля перешла дому Дорнов, а твой долг вырос: восемнадцать белых весов, три дня общинной работы и стоимость заражённых ульев.

— Ульи уже были заражены.

— Докажи.

— А если уйду?

— Клеймо останется. За пределами долины тебя возьмёт первый патруль. Если повезёт, вернут барону. Если нет — продадут в пепельные ямы.

Вот и свободный выход.

— А если останусь?

— У тебя нет права на землю, дом и пасеку. Каменный улей принадлежал короне, потом перешёл смотрителю. Смотрителя нет. До назначения нового всё опечатает Белый Воск.

— Они очень старались опечатать.

— Я вижу.

Рада складывает руки на дощечке. Она ждёт, что я попрошу милости или начну угрожать. Я смотрю в окно на яблоню. Цветы густые, белые. Ни одной пчелы. В моей прежней жизни такой сад гудел бы даже в холодный день. Здесь тишина.

— Сколько деревня платит Белому Воску за семьи?

Терен кашляет. Мара бросает на меня быстрый взгляд. Рада не меняется в лице.

— Не твоё дело.

— Тогда сколько садов останется без опыления, если Гильдия решит наказать вас за чёрный улей?

— Поэтому я могу сжечь его сейчас.

— Можете. Потом серые осы продолжают жрать цветы, сажа останется в пыльце, а белые пчёлы будут делать то, что делают. Судя по запаху ваших яблонь, не очень много.

Терен поднимает бровь. Рада смотрит на него.

— Он охотник, — объясняет Мара. — Не садовник.

— Нос у охотника есть, — говорит Терен. — Прошлым летом здесь пахло до моста.

Рада берёт посох, встаёт и подходит к окну. Срывает цветок, растирает между пальцами, нюхает. Возвращается не сразу.

— Что предлагаешь?

Я не готов. Но если честно скажу это, меня отправят к людям со смолой.

— Временное право на дом Яна и землю вокруг каменного улья. Общине нужны старые рамки, доски и один день работы двух человек — не сейчас, когда семья окрепнет и я пойму, что можно восстановить. Взамен первый безопасный мёд идёт не барону и не мне. Троим больным или раненым, которых выберет Мара. Если мёд причинит вред, сами сожжёте пасеку.

— Ты обещаешь мёд с семнадцати пчёл? — спрашивает Терен.

— Я обещаю, что не продам первую пригодную партию. Срок не называю. Пчёлы не знают ваших долговых дощечек.

— Удобно, — повторяет Мара моё слово.

— Зато честно.

Рада садится. Кончиком посоха двигает по полу солнечное пятно.

— А долг?

— Не признаю стоимость заражённых ульев, пока не увижу, кто их заразил. Аренду и общинную работу признаю, если получу право пользоваться тем, за что плачу.

— С клеймом ты не можешь заключать сделку.

— Тогда заключите с чёрной маткой. Она, правда, писать не умеет и характер хуже моего. Угол рта Терена дёргается. Рада замечает и ударяет посохом по его сапогу.

— Мара будет поручителем, — говорит староста.

— Нет, — отвечает Мара сразу.

— Будешь.

— Я не доверяю ему.

— Поэтому и будешь. Доверчивый поручитель бесполезен.

Мара скрещивает руки. На её переднике тёмные пятна от настоек, один карман зашит ниткой другого цвета. Она смотрит на меня так, будто прикидывает, с какой высоты придётся сбрасывать тело, если я её подведу.

— Мои условия, — говорит она. — Никакого мёда людям без моей проверки. Никаких опытов на больных. Я осматриваю улей, когда сочту безопасным. Всё, что найдёшь о смерти Яна и о саже, показываешь мне.

Последнее условие цепляет карман с сотом. Я мог бы промолчать. Собственно, уже промолчал.

— Согласен, — отвечаю я.

Мара видит паузу.

— Не всё сказал?

— В доме Яна нашёл старый сот. Он спрятан. Пахнет тем же ядом, что дым на пасеке. И кое-что вспомнил.

Терен закрывает дверь. Рада отодвигает долговую дощечку.

— Показывай.

Я достаю промасленный свёрток. Мара разворачивает его на чистой ткани. Когда чёрный сот появляется на столе, отступает даже Рада.

— Это не мёд, — говорю я. — Ян считал, что дрянь заставляла пчёл есть серую сажу. Он сказал: «Не наша». Больше не помню.

Мара соскребает одну крупинку в чашку, добавляет каплю прозрачной жидкости. Смесь сначала белеет, затем становится фиолетовой. Она повторяет опыт с остатком, снятым утром с моей раны. Цвет тот же.

— Один состав, — говорит она. — Не похожий. Один и тот же.

— Значит, им травили ульи и меня.

— Возможно.

— А Ян?

Мара берёт край сота щипцами, нагревает над свечой. Воск размягчается. Из одной ячейки выступает чёрная блестящая капля. Запах становится сладким и тяжёлым. Мара резко накрывает чашку стеклом.

— Ян принёс мне такую каплю перед смертью, — говорит она. — На языке, на пальцах и в желудке был этот состав. Я решила, что это чёрный мёд, потому что Восс так сказал и потому что никогда не видела другого.

Рада медленно поворачивает белый жетон Рема между пальцами.

— А теперь?

Мара смотрит на перечёркнутую пчелу на спрятанной пластине, потом на фиолетовый раствор.

— А теперь я вижу яд, который лежал в улье до появления живой чёрной семьи. И человека, которого отравили тем же ядом после смерти Яна.

За окном наконец появляется белая пчела. Она садится на яблоневый цветок, проводит на нём меньше секунды и улетает, не собрав пыльцу. Рада прослеживает её взглядом и возвращает жетон на стол.

— Дом и земля до решения барона остаются за общиной, — произносит она. — Но Мёртвую Пасеку не трогать. Егору дать два старых корпуса, сколько найдётся чистых рамок и помощь после проверки Мары. Долг не растёт. Старый не списываю.

— Щедро, — говорю я.

— Не путай любопытство с щедростью. Если твои пчёлы убьют человека, я сама принесу сухую смолу.

— Договорились.

Рада подвигает ко мне дощечку. Я не умею читать написанное, зато память тела знает, как оставить знак: режу подушечку большого пальца, прижимаю к мягкому серому воску. Отпечаток получается смазанным. Мара ставит рядом свой — ровный, с маленьким знаком листа.

Так я получаю временное право жить в разграбленном доме покойника, кормить семнадцать запрещённых пчёл и выплачивать долг за ульи, которые кто-то отравил той же дрянью, что убила прежнего хозяина моего тела. В моей прежней жизни подобное назвали бы плохим бизнес-планом. Здесь это первый документ, который не отправляет меня умирать.

Глава 4. Мёд для мёртвого

Два обещанных корпуса приезжают на Мёртвую Пасеку к вечеру. Один без дна, второй без крышки. Рада умеет выполнять договор так, чтобы человек одновременно получил требуемое и почувствовал себя неблагодарной сволочью за желание попросить больше.

Корпуса привозит Терен на ручной тележке. Вместе с ним приходит Мара, Мал тащит связку рамок, а следом, не участвуя в работе, идёт Гран. Горшок со смолой он сегодня не взял, зато за поясом топор. Видимо, для душевного равновесия.

— Это лучшие? — спрашиваю я, осматривая трещину во всю стенку первого корпуса.

— Лучшие нужны живым псекам, — отвечает Гран.

— А у вас есть живые?

Он кладёт ладонь на топорище. Терен толкает его плечом в сторону.

— Не мешай. Рада сказала помочь.

— Рада сказала посмотреть. Помогать убийце я не нанимался.

— Тогда смотри молча. Это тоже работа, но ты справишься.

Гран уходит к стене. Я прячу улыбку, потому что человек с топором обидчив, а у меня ребро одно и уже повреждённое.

Мал всё-таки не дал топке погаснуть. Камень тёплый, семья спокойна. Хлебную кормушку я убрал перед поездкой в деревню; за два часа пчёлы забрали немного раствора, остальное начало пахнуть кислее. Правильное предупреждение Системы. Если другого корма не найдём, завтра придётся готовить свежий и давать малыми порциями.

Я проверяю рамки. Двенадцать можно очистить, ещё шесть изъедены мышами, две покрыты белой плесенью. Ни одной вошины. В новом мире она, похоже, не продаётся рулонами возле кассы.

— Где взяли? — спрашиваю я.

— С пасеки вдовы Коваль, — отвечает Мал. — После зимы две семьи не вышли.

Рада, значит, отдала собственное старьё. Это не делает подарок лучше, но меняет его вес.

— Почему не вышли?

Мал пожимает плечами.

— Белая матка перестала сеять. Потом пчёлы ушли в мороз.

— Они не уходят в мороз просто так.

— Белые уходят, — говорит Мара. — Иногда всей семьёй. В маточном доме это называют сбросом слабого гнезда.

— Удобное название для гибели.

Она смотрит на рамки, выбирает одну, проводит ногтем по внутренней планке. Под старым прополисом видна тонкая белая линия.

— Гильдейская метка. Матка была арендованной.

— Маток арендуют?

Гран у стены фыркает:

— А ты откуда свалился, если таких вещей не знаешь?

— Из ямы. Ты пропустил.

Мара перехватывает мой взгляд.

— Каждый маточник Белого Воска выдаётся на один сезон. Семья и весь мёд принадлежат держателю земли, но матка остаётся собственностью Гильдии. Если пасечник не платит долю, следующую не получает.

— А эта перестала сеять до конца сезона.

— Такое бывает.

— Дважды? У одной вдовы?

Мара проводит пальцем по белой линии, потом вытирает о ткань.

— Поэтому я здесь.

Терен снимает с тележки последний узел. В нём три холщовых мешка с сухим тростником, горсть деревянных шипов и моток просмоленной нити. Можно собрать один целый корпус из двух. Не для чёрной семьи сейчас — матке лучше в прогретом камне. Но будет куда поставить найденные рамки и проводить опыты, не тревожа Сердце.

Мы работаем. Я выравниваю треснувшую стенку, Мал подаёт шипы, Терен держит доску. Мара очищает рамки и откладывает подозрительные отдельно. Гран сначала молчит, потом не выдерживает:

— Не так шов стягиваешь.

— Покажи.

Он подходит, отбирает нить, делает петлю, затягивает. Получается лучше. Гран понимает, что только что помог убийце, и мрачнеет ещё сильнее.

— Благодарить не буду, — предупреждаю я.

— И не надо.

— Тогда сработаемся.

К закату стоит один целый корпус с новым дном и старой крышкой. Щели промазаны глиной. Внутри чистые рамки без воска — голый скелет будущего улья. Семнадцати рабочим строить его нечем. Но пустой корпус всё равно выглядит как намерение жить, а после вчерашней ямы я начинаю ценить даже намерения.

Мара разворачивает на крышке принесённые образцы. Старый сот из тайника Яна, кусок белого воска с рамки Рады, серый комок, выброшенный чёрными пчёлами, и соскоб с осинового гнезда, который она успела взять утром.

— Нужна реакция семьи, — говорит она.

— В улей ничего не понесём.

— Я и не предлагаю.

Делаем четыре маленьких деревянных блюдца. Ставим в двух шагах от трещины, на каждое кладём образец. Я не связываюсь с пчёлами и не направляю их. Просто открываю заслонку шире и жду.

Первой выходит разведчица с помятым крылом. Я узнаю её по полёту: левый круг короче правого. Она проверяет воздух, идёт к жёлтому цветку, возвращается. На обратном пути замечает блюдца.

К старому чёрному соту подходит сразу. Обходит край, трогает усиками воск, начинает счищать серые крупинки. К белому воску приближается и резко взлетает, будто наткнулась на горячую поверхность. Над осиным соскобом делает круг. Комок, который семья выбросила сама, игнорирует.

Следом выходят ещё две рабочие. Одна помогает очищать сот Яна. Вторая садится на белый воск, успевает сделать несколько шагов и падает на бок.

Я подхватываю её щепкой. Лапки дёргаются, связь пульсирует тревогой.

— Убери белый образец! — говорю Маре.

Она сталкивает блюдце стеклянной палочкой в пустой глиняный горшок и накрывает. Я подношу пчелу к трещине. Две рабочие выходят, начинают чистить пострадавшую. С волосков скатывается едва заметная белая пыль.

[Рабочая особь: отравление.]

[Источник: маточный воск, принудительный запах.]

[Прогноз: восстановление возможно.]

Табличку вижу только я. Говорить о «принудительном запахе» пока не спешу — придётся объяснять, откуда знаю. Но вывод и без неё виден.

— Воск с рамки вдовы, — произносит Терен. — Почему от него падает чёрная?

— Может, потому что чёрная, — отвечает Гран. — Белым нормально.

— Белые семьи у Рады умерли, — напоминаю я.

— Две семьи из...

— Скольких?

Он молчит. Мара помещает в отдельные чашки по крупине каждого образца, добавляет свои растворы. Белый воск не даёт фиолетовой реакции, как яд из старого сота. Вместо этого жидкость мутнеет и расслаивается: сверху чистая вода, внизу плотная белая взвесь.

— Здесь нет серой сажи, — говорит Мара. — Но есть маточный зов. Слишком сильный. Я такого не видела.

— Что он делает?

— Рабочая принимает его за приказ Сердца. Возвращается к метке, разносит запах по семье.

— Матка у пчёл не отдаёт приказы.

Мара поднимает взгляд.

— Обычная — нет.

Это «обычная» остаётся между нами. Гран слышит, хмурится, но спорить не решается. Терен берёт рамку двумя пальцами, будто та стала тяжелее.

— У моей сестры три белых корпуса, — говорит он. — Такие же линии на всех.

— Не вырезай, — предупреждает Мара. — Мы пока не знаем, что будет с семьёй без метки.

— А с меткой знаем?

Она не отвечает. Рабочая с отравлением наконец встаёт на лапки и уходит в улей. Система показывает семнадцать живых. Я выдыхаю. Потерять одну из-за собственного опыта было бы особенно мерзко.

— На сегодня хватит, — говорю я. — Остальное в доме.

— Что остальное? — спрашивает Гран.

— То, что искали люди Восса.

Он сразу вспоминает, что не собирался мне помогать. Но прежде чем идти вниз, я хочу понять, как погибли остальные семьи. Не все корпуса сгорели. Часть стоит целой, только пустой, а пустой улей рассказывает не хуже мёртвого человека — если его не успели тщательно вымыть.

Выбираем три. Первый опрокинут ветром, внутри мышинное гнездо. Следов пчёл мало, соты вынесли задолго до пожара. Второй обуглен снаружи, зато под крышкой сохранился кусок прополисованной ткани. На ней серые круглые пятна, расположенные ровно через ладонь. Не случайные брызги: кто-то укладывал вещество порциями.

— Сюда ставили дымовые таблетки, — говорю я.

Гран нагибается над тканью.

— При хвори так и делают. Чтобы семья уснула перед сожжением.

— Уснула или умерла?

— Какая разница, если всё равно жечь?

— Для того, кто ставит диагноз, большая.

В третьем корпусе нахожу рамку с запечатанным мёдом. Совсем немного, полоска у верхней планки. Мёд потемнел, но не забродил. Я не даю никому касаться, отрезаю рамку целиком и ставлю на землю в стороне.

Разведчица с помятым крылом замечает запах. Подлетает, садится на дерево рядом с сотом, долго чистит усики и не идёт к ячейкам. Вторая рабочая повторяет путь и тоже отступает.

— Чёрные боятся мёда? — спрашивает Мал, который успел вернуться от топки.

— Не мёда. Того, что в нём.

Я вскрываю одну ячейку кончиком ножа. Капля густая, тёмно-янтарная. В ней нет чёрного цвета, которым пугали людей. Зато запах полыни и металла сразу становится сильнее.

Мара проводит пробу. Раствор фиолетовый.

— Тот же яд, — говорит она.

— Значит, дым попал в открытый мёд, пчёлы разнесли по улью. Или им дали отравленную подкормку.

— И что потом?

— Смотря на дозу. Потеря ориентации, гибель лётных, отравление матки. Если состав меняет запах, семья могла сама покинуть корпус.

Терен снимает шапку и чешет затылок.

— Как семьи у Рады.

— Возможно. Но там был белый маточный воск, а здесь ещё и сажа. Не надо сваливать всё в один мешок только потому, что мешок удобно жечь.

Гран стоит, отвернувшись. Его плечи напряжены. Я закрываю рамку тканью и спрашиваю:

— Ты был здесь, когда жгли пасеку?

— Полдеревни было.

— Кто ставил таблетки?

— Люди Восса.

— Рем и Зубан?

— Нет. Другие. В белых плащах.

— Ян был жив?

Гран медлит. Топорище в его руке поворачивается, дерево скрипит под пальцами.

— Ян уже лежал у Мары. Мы думали, не дотянет. Восс сказал, что ты отравил его, а семьи заражены чёрным мёдом. Велел никого близко не пускать.

— А я где был?

— В цепях у старого сарая. Орал, что Восс врёт. Потом тебя ударили. — Гран наконец смотрит мне в лицо. — Ты и раньше много орал. Только не так.

— Как — не так?

— Раньше больше просил. Ян тебя подобрал после долговой ямы, дал четыре корпуса. Ты за ним ходил, будто он тебе отец. А в тот день кидался на людей в цепях. Я решил, виноват и испугался суда.

Чужая память молчит, но под грудиной появляется тяжесть, не связанная с ребром. Ян толкает меня к задней двери. Дрожащие руки. «Не наша дрянь».

— Почему ты пришёл сегодня со смолой? — спрашиваю я.

— Потому что у меня две дочери. Если чёрные вернулись, я не буду ждать, пока они войдут в деревню.

— А если Восс соврал?

— Тогда я принёс смолу не туда.

Это не извинение. От Грана я его и не жду. Он опускает топор, подходит к заражённой рамке и помогает завернуть её так, чтобы капля не попала на землю.

— Люди в белых плащах забрали с пасеки что-нибудь? — спрашивает Мара.

— Ящики. Три или четыре. Один тяжёлый, несли вдвоём. Ещё камень хотели вскрыть, но Восс запретил, пока Егор жив.

— Почему?

— Сказал, печать связана с носителем. Если сломать раньше, зараза выберется.

Все смотрят на каменный улей. Семнадцать чёрных пчёл занимаются своими делами, не подозревая, что половина деревни ждала их выхода как конца света.

— Печать, — повторяю я. — Четыре скобы.

— Не трогай, — говорит Мара.

— Пока не собирался.

— Ты пытался открыть её утром. След от стамески свежий.

Я смотрю на верхнюю скобу. Царапина действительно сияет на ржавом железе.

— Неприятно работать с наблюдательными людьми.

— Привыкай.

Мы складываем заражённые образцы в отдельный корпус, обозначаем крышку тремя угольными крестами. Гран сам оттаскивает его подальше от камня и ставит на плоские камни, чтобы дно не касалось земли. Потом долго вытирает руки песком.

У нас уже не один подозрительный сот. У нас несколько погибших семей, одинаковый яд и свидетели, видевшие, как люди Восса расставляли дым. Для деревни этого достаточно, чтобы шептаться. Для суда, по словам Мары, пока нет. Значит, идём искать то, что Ян счёл важнее собственной безопасности.

В доме Яна тесно впятером. Гран остаётся на пороге, потому что не доверяет ни мне, ни потолку. Терен зажигает две свечи. Мара осматривает тайник, щипцы и тёмные стеклянные пластины. Мал носит воду, пока я не напоминаю про топку. Он уходит наверх бегом.

— Пластины для чтения воска, — говорит Мара. — Старые. Такие были в королевских пасаках.

— Как читать?

Она ставит одну пластину над свечой. Тёмное стекло становится прозрачнее, внутри проступают тонкие красные жилки.

— Нагреть, положить запись сверху. Свет пройдёт через разную толщину воска.

Мы кладём пластину Яна. Знаки, невидимые мне на холоде, проявляются тенями. Часть всё равно непонятна, но Мара читает вслух, медленно:

— «Третий отбор. Серая примесь выше в ночном сборе. Чёрная семья отделяет...»
Дальше повреждение. «Белый воск не лечит землю. Он...»

Край пластины срезан.

— Он что? — спрашивает Терен.

— Нет куска.

Я вспоминаю взломанный замок и поднятые доски. Кто-то нашёл часть записей, но тайник пропустил. Или Ян спрятал обрезанную пластину уже после того, как другую половину забрали. Мара продолжает:

— «Проверить верхнюю межу. Запах идёт после...» Снова нет. «Эйр подтвердил: старые рабочие не...»

— Эйр?

— Так записано твоё имя. Старая форма.

Я смотрю на тонкие знаки. Устав переводит речь и имя так, чтобы я понимал смысл. Видимо, письменность он считает роскошью. Хорошо хотя бы чужой Егор не оказался ещё одним полным тёзкой, подкинутым миром ради дурной шутки.

— Что я подтвердил?

— Куска нет.

— Ян писал как человек, которому платят за недосказанность.

— Он писал для себя, — сухо отвечает Мара. — И, возможно, в спешке.

Под последней строкой стоит дата — месяц назад. За неделю до смерти Яна. Рядом отпечаток его пальца и маленькое пятно белого воска. Гран на пороге перестаёт ковырять косяк ножом.

— Если Воск знал, что Ян проверяет их рамки...

— Этого запись не доказывает, — перебивает Мара.

— А наряд Восса на зачистку?

— Доказывает, что он хотел вскрыть каменный улей после смерти Егора.

— И вам мало? — спрашивает Терен.

Мара гасит свечу пальцами.

— Мне достаточно, чтобы не доверять Воссу. Суду понадобится больше.

Из задней комнаты доносится стук. Один раз. Потом второй.

Мы замолкаем. Гран снимает топор. Терен тянется к ножу. Я вспоминаю чужую память: стук в дверь, Ян толкает меня к выходу. Но сейчас звук идёт не снаружи. Он из-под пола.

— Мышь? — шепчет Терен.

Снизу отвечают скрежетом, будто коготь проходит по доске.

— Большая, — говорю я.

Гран отступает с порога внутрь. Потолок его больше не беспокоит.

В дальней комнате пол поднят, но одна широкая доска лежит на месте. На ней видны царапины. Я указываю Терену на левый край, сам становлюсь справа. Гран держит топор над щелью. Мара уводит свечу дальше и достаёт из сумки флакон.

— Поднимаем на счёт три, — говорю я. — Не руби, пока не увидишь.

— Если увижу зубы, рублю.

— Если увидишь мою руку, тоже?

— Постараюсь различить.

Мы поддеваем доску. На «два» снизу бьют так, что она вылетает сама. Терен падает на спину. Из подпола вырывается собака.

Когда-то она была крупной овчаркой. Сейчас бока провалены, шерсть вылезла клочьями, морда покрыта серой коркой. На шее обрывок ремня. Пёс не лает — издаёт сиплый гул, слишком похожий на осиный.

Он бросается не на ближайшего. Идёт прямо к восковой пластине на столе.

Я успеваю толкнуть стол ногой. Пластина падает. Пёс меняет направление в воздухе и врежется мне в грудь. Ребро взрывается болью. Мы летим на стену. Жвалы — нет, зубы, напоминаю себе, обычные собачьи зубы — щёлкают возле горла.

Я держу его за шею левой рукой, правой пытаюсь вытащить нож. Пёс тяжёлый, горячий. От пасти пахнет сладкой гнилью. Серые слюни падают на куртку и дымятся. Гран замахивается топором.

— Не сюда! — хриплю я.

Топор проходит над ухом и врубается в стену. Пёс дёргается на звук, вырывается. Терен хватается его за обрывок ремня. Ремень лопается. Мара плескает из флакона в морду.

Собака воеет, отступает, трёт нос лапами. У нас появляется секунда.

Я захлопываю дверь дальней комнаты, оставляя пса внутри. Засов сломан. Просовываю в скобы стамеску. Дверь сразу выгибается от удара.

— Окно? — спрашиваю я.

— Нет там окна, — отвечает Терен. — Погребная.

Второй удар. Стамеска скрипит.

— Тогда дым.

— Сожжёшь дом, — говорит Гран.

— Не сожгу. Дай плащ.

Он не спорит, снимает плотный плащ. Я сворачиваю его, затыкаю щель под дверью, оставляя узкий зазор. В ковш бросаю тлеющую паклю, сухую горькую траву из ящика и каплю средства Мары — сначала показываю ей.

— Усыпит?

— Человека — да. Собаку не знаю.

— Проверим.

Подношу ковш к зазору, накрываю сверху миской и дую через тростниковую трубку. Дым идёт внутрь. Пёс бьётся ещё несколько раз, скребёт, потом звук становится реже. Мы ждём. Терен держит дверь, Гран — топор, Мара считает вдохи.

— Хватит, — говорит она. — Если хочешь узнать, чем он заражён.

— Я хочу, чтобы он не откусил мне лицо.

— Для исследования лицо не требуется.

— Моё требуется.

Через минуту убираем стамеску. Дверь открываю на ладонь. Пёс лежит у порога, дышит тяжело. Глаза открыты, мутные. Он узнаёт Терена — или реагирует на запах. Хвост один раз ударяет по полу.

— Шер, — тихо говорит охотник. — Ян в лесу его щенком нашёл.

Пёс пытается поднять голову. Серая корка на морде трескается, под ней кровь. Мара приседает, берёт слюну длинной палочкой. Проводит по шерсти, снимает серый налёт.

— Он был заперт здесь три недели? — спрашиваю я.

— После смерти Яна пропал, — отвечает Терен. — Думали, ушёл.

В подполе находится миска с засохшим мясом и разбитая банка. Кто-то запер собаку, оставил корм, но не собирался возвращаться. На осколке банки белый знак пчелы.

Шер снова гудит, собираясь встать. Дым слабеет. Мара смотрит на Терена.

— Сажа уже в лёгких. В кровь пошла. Я не выведу.

Охотник гладит пса по голове, не касаясь корки. Его широкая ладонь дрожит.

— Ян бы не хотел, чтобы он так жил.

Гран протягивает топор. Терен не берёт.

Я достаю нож Рема. Шер смотрит на меня мутно, без страха и без злости. В связи далеко наверху чёрная семья ощущает моё напряжение, хотя я не звал её. Семнадцать маленьких жизней собираются вокруг матки. Здесь одна большая жизнь уже распалась и держится только на боли.

— Я сделаю, — говорю Терену.

Он кивает и отворачивается не сразу. После мы выносим Шера за дом и заворачиваем в старый плащ. Гран больше не просит его обратно. Руки я мою кипятком с травой, куртку оставляю на улице. Мара сжигает ткань, которой снимала слюну.

В подполе, кроме банки, лежит обгоревший дымовой цилиндр. Белый металл, три насечки на боку. Точно такой запах шёл от одного улья, когда я очнулся в яме. Мара держит цилиндр щипцами.

— Гильдейская шашка для чистки корпусов. Их выдают по счёту. Номер стёрт.

— Этой дрянью травили сот и Шера?

— Состав похож. Проверю.

Под разбитой банкой находим отрезанную часть восковой записи. Край совпадает с пластиной Яна. Мара нагревает стекло снова, соединяет две половины. Теперь строка читается целиком:

«Белый воск не лечит землю. Он кормит голод, который прячут под старой пасекой». Ниже ещё одна фраза: «Если со мной что-нибудь случится, ищите верхнюю межу после ночного сброса».

— Что такое ночной сброс? — спрашивает Терен.

Мара смотрит на дымовой цилиндр, потом на белую взвесь в чашке.

— В маточном доме так называли отходы после варки воска. Их должны запечатывать и вывозить в каменные ямы.

— А верхняя межа где?

Терен отвечает вместо неё:

— Выше баронских садов. За лесом стоит фабрика Белого Воска.

Он поднимает завёрнутого Шера. Я помогаю, хотя ребро сразу напоминает о себе. Хорошим пса возле старой груши за домом. Гран копает топором и обломком лопаты, Терен работает молча. Мара хочет сжечь тело из-за сажи, но охотник просит хотя бы оставить ошейник. Она долго смотрит на серую корку, потом обрабатывает яму горьким раствором и разрешает засыпать.

— Ян дважды вытаскивал меня из леса, — говорит Терен, утрамбовывая землю сапогом.

— Один раз после кабана. Второй после свадьбы. Шер был умнее нас обоих.

— Умная собака не полезла бы под стол за восковой пластиной, — замечает Гран.

— Он полез не за пластиной, — отвечаю я. — За запахом, который в него вбили. Так же белые пчёлы идут к меткам.

Мара вытирает руки и смотрит на свежий холм.

— Если этот запах действует не только на насекомых, Восс мог использовать Шера как сторожа. Никто не вошёл бы в подпол и не вышел без укуса.

— Кроме тех, кто пахнет Белой Маткой, — говорю я.

Гран машинально касается пояса, где утром висела принесённая из деревни защитная бляха. Он оставил её у Рады. Хорошо. Значит, хотя бы один человек начинает думать раньше, чем хвататься за смолу.

Снаружи проходит порыв ветра. Из-под двери тянет слабым сладким запахом — не цветами, не мёдом. Тем, что утром привело к пасеке серых ос.

Мы стоим в разграбленном доме мёртвого смотрителя, рядом с дымовой шашкой и телом его собаки. Ян оставил нам не доказательство. Он оставил направление. И кто-то очень старался, чтобы мы по нему не пошли.

Глава 5. Белый воск

Редар Восс начинает с могилы собаки. Не с каменного улья, не с мёртвого Рема и даже не со меня. Его белая карета останавливается у дома Яна, четыре служителя расходятся по двору, а сам инспектор подходит к свежему холму под грушей и носком сапога сдвигает ком земли.

Я наблюдаю сверху, от пасеки. Рядом стоит Мара, ниже на дороге — Рада и Терен. Жители собираются вдоль межи, но близко не идут. Белый Воск приехал не торговать матками: служители в плотных плащах, лица закрыты серебряными сетками, на груди медные знаки. Один несёт длинный ящик, другой — ранцевый дымарь с двумя трубками.

Восс снимает перчатку, трогает землю двумя пальцами, нюхает. Потом вытирает руку о траву и поднимается к нам.

Он не похож на человека, который приказывал оставить меня осам. Лет сорок, сухой, волосы тёмные и аккуратно зачёсаны назад. На белом плаще ни пятна после дороги. Лицо спокойное, почти доброжелательное. Если бы я встретил его в прежней жизни на ярмарке пчеловодов, решил бы, что он продаёт дорогие препараты и умеет объяснять любую гибель семьи ошибкой покупателя.

— Эйр Сед, — произносит он, остановившись в пяти шагах. — Рад, что донесение о вашей смерти оказалось преждевременным.

Устав переводит имя привычно, но я теперь слышу под переводом другой звук. Эйр. Значит, Мара читала верно.

— Ваши люди старались, чтобы донесение не подвело.

Восс переводит взгляд на канаву, откуда уже забрали Рема.

— Несчастный случай. Трупные осы непредсказуемы.

— Особенно если смыть с сапога защитный запах щёлоком.

— Зубан нарушил порядок обработки. Он ответит.

— Рему это поможет.

— Рем получил оплату за риск. Его семье положена компенсация.

Слова гладкие. Каждое можно положить на полку, подписать и забыть, что внутри был человек. Рада подходит ближе, опирается на посох.

— Компенсацию передадите мне. Нила к вам не пойдёт.

Восс склоняет голову.

— Разумеется, госпожа староста.

Он называет её госпожой так, что титул превращается в напоминание о разнице между сельской старостой и гильдейским инспектором.

— Теперь к главному, — продолжает Восс. — На заражённой территории обнаружена запрещённая семья. По карантинному уставу улей, все корпуса и постройки подлежат очищению огнём. Людей прошу отойти к дороге.

Служитель с длинным ящиком ставит его на землю, открывает. Внутри белые цилиндры, похожие на тот, который мы нашли под домом Яна. Только эти новые, с номерами. Мара достаёт из сумки стеклянную пластину.

— Перед очищением я требую осмотра.

— На каком основании?

— Я поручитель временного держателя и травница общины. Семья взаимодействует с Серой хворью не так, как белые.

— Вы больше не служите в маточном доме, Мара.

— Поэтому могу задавать вопросы без разрешения наставника.

Восс улыбается. Только губами.

— Ваш уход всегда огорчал магистра Гарна. Но личные разногласия не отменяют закона.

— Покажите закон, — говорю я.

Он смотрит на меня с лёгким любопытством.

— Вы научились читать в яме?

Удар точный. Я чувствую, как люди за спиной прислушиваются. Восс знает, что прежний Егор читал плохо или не читал совсем.

— Научился спрашивать тех, кто умеет.

— Карантинный устав хранится в каждой земельной палате.

— А у вас копии нет?

— Я не обязан доказывать кровному должнику право Гильдии защищать долину.

— Тогда вы не против, если Рада подтвердит приказ своей печатью. Пасека на баронской земле, община отвечает за пожар.

Восс поворачивается к старосте. Рада не двигается.

— Я подтверждаю то, что прочту, — говорит она. — Не то, что мне перескажут.

В толпе кто-то кашляет, скрывая смех. Восс замечает, откуда звук, и человек сразу становится серьёзным.

— Принесите свод, — приказывает инспектор одному из служителей.

Тот уходит к карете. Пока ждём, Восс осматривает пасеку. Не торопится. К каждому разрушенному корпусу подходит так, чтобы не наступить на следы. Возле заражённой рамки с угольными крестами останавливается.

— Кто вскрывал?

— Я, — отвечаю.

— Нарушили печать.

— Печати не было. Были дымовые таблетки и яд.

— Лечебный состав.

Мара ставит на крышку две закрытые чашки. В одной фиолетовый раствор из старого сота, во второй белая взвесь маточного воска.

— Лечебный состав не должен совпадать с ядом в желудке Яна Керта и крови Егора.

Восс не смотрит на чашки.

— Ваши пробы проведены без свидетеля Гильдии.

— Поэтому я требую осмотра сейчас.

— После огненного очищения сможете взять золу.

— Удобно, — говорю я.

Он проходит к каменному улью. Чёрные пчёлы чувствуют белый запах раньше, чем я замечаю движение. Рабочие, летавшие к цветкам, возвращаются. У входа собирается шесть. Связь сжимается вокруг матки.

Восс подходит на два шага. На его перчатках тот же маточный воск, но сильнее. Он специально опускает руку ближе к трещине.

— Не советую, — говорю я.

— Они подчиняются вам?

— Они защищают улей. Это не одно и то же.

— Вы уверены?

Он делает ещё полшага. Рабочие взлетают. Не бросаются на лицо — держатся перед рукой, предупреждают. Восс не отдёргивается. Наоборот, поворачивает запястье так, чтобы белая метка на перчатке оказалась к ним ближе.

Четыре пчелы сбиваются с полёта. Одна начинает кружить вокруг его руки. Принудительный запах.

Я не устанавливаю прямую связь. Подхожу сбоку и накрываю перчатку куском влажной ткани. Восс резко выпрямляется.

— Не трогайте меня.

— Не приманивайте моих пчёл.

— Ваших?

— Семья выбрала этот улей до меня. Но перчатка ваша, и запах на ней ваш. Снимите — проверим, кого они хотят ужалить.

Терен у дороги произносит достаточно громко:

— Снимите. Чего бояться, если они только на чёрный зов идут?

Люди поддерживают его негромким гулом. Восс оценивает толпу и снимает правую перчатку. Под ней чистая рука, на безымянном пальце серебряное кольцо. Пчёлы теряют интерес и возвращаются к камню.

— Доказательство, — говорит Мара.

— Доказательство того, что дикие особи реагируют на разрешённый маточный состав.

— Как собака Яна, — замечаю я.

Первый раз его спокойствие трескается. Совсем чуть-чуть: взгляд уходит к свежей могиле.

— Собака была заражена.

— Вы знали?

— Её искали.

— В подполе дома, куда ваши люди вошли раньше нас?

— Гильдия не обыскивала дом.

— Тогда кто сломал замок?

Восс не отвечает. Служитель возвращается со свёрнутой книгой в кожаном футляре. Кладёт на чистую крышку улья, разворачивает. Страницы не бумажные — тонкие пластины светлого дерева, скреплённые кольцами. Инспектор находит нужный раздел и передаёт Раде.

— Пункт девятый. Семьи запретных окрасов и неизвестных линий уничтожаются на месте обнаружения.

Рада читает медленно, ведёт пальцем по строкам. Мара заглядывает через плечо.

— Здесь продолжение, — говорит староста. — «Кроме природного слёта, занявшего коронное убежище до объявления карантина. Такой слёт подлежит учёту и наблюдению».

Восс поворачивает страницу.

— Поправка утратила силу после Роевой гибели.

— Где написано?

— В позднем приложении.

— Покажите.

Он листает. Деревянные пластины щёлкают. Приложение находится, но там говорится о запрете искусственного разведения чёрных линий и хранении маточников. Природный слёт не упомянут. Мара берёт книгу.

— Каменный улей отмечен коронным знаком. Семья вышла сама. Егор не подсаживал матку — у него не было доступа под скобы.

— Он носитель печати, — говорит Восс.

— Вы это признаёте? — спрашиваю я.

Он понимает ошибку. В наряде было то же слово, но без объяснения.

— Так предполагал прежний смотритель.

— Ян?

— Ян Керт оставил записи о связи камня с осуждённым.

— Те записи, которые ваши люди не забирали из его дома?

Возле дороги становится тише. Восс смотрит на меня дольше, чем нужно. Я вижу человека, который меняет решение: сначала хотел провести процедуру быстро, теперь выбирает, сколько власти показать.

— Дайте знак учёта, — приказывает он служителю.

Тот не сразу понимает.

— Господин инспектор?

— Временный. Для природной семьи.

Из кареты приносят небольшую свинцовую пластину на проволоке. Восс делает на ней отметки острым пером, ставит белую восковую печать и протягивает Раде, не мне.

— Семья остаётся под ответственностью общины до решения земельного дома. Любой случай неспровоцированного нападения, заражения соседних ульев или распространения чёрного расплода прекращает наблюдение.

— Неспровоцированного, — повторяю я. — Запишем отдельно, что белый маточный воск считается провокацией.

— Не считается.

— Тогда снимайте его перед осмотром.

Он оставляет фразу без ответа. Служители начинают закрывать ящик с дымовыми цилиндрами. Люди на дороге расслабляются. Гран, стоящий возле Рады, опускает топор. Я должен бы считать победу состоявшейся, но Восс ещё не закончил. Он подходит к собранному корпусу, проводит пальцем по глиняному шву.

— Вы действительно полагаете, что восстановите семью из семнадцати рабочих?

— Семнадцать утром. Сейчас столько же.

— Матка может быть бесплодна.

— Может.

— Живой пыльцы на этом склоне нет.

— Есть. Мало.

— Даже если она начнёт сеять, первый расплод выйдет слишком поздно. Вы потратите время общины, а затем обвините Гильдию в естественной гибели.

Он говорит дело. Именно поэтому слова неприятнее угроз.

— Возможно, семья погибнет, — отвечаю я. — Но вы приехали уничтожить её раньше, чем это станет понятно.

— Чтобы остановить риск.

— Риск для кого?

— Для долины.

— Тогда подпишите ещё одну бумагу.

Рада поворачивает ко мне голову. Мара едва заметно хмурится: не знает, куда я лезу.

— Какую? — спрашивает Восс.

— Что после уничтожения природной семьи Белый Воск берёт на себя опыление садов Рябого Брода и стоимость урожая, потерянного из-за карантина. Вчера ваши белые пчёлы почти не брали пыльцу. Сегодня то же самое. Если чёрные опасны, вы спасаете долину. Значит, отвечаете за результат.

В толпе начинается шёпот. Садоводы умеют не читать законы, зато умеют считать яблоки.

Восс поворачивается к деревьям. Как раз в этот момент белая рабочая проходит над нами, садится на цветок и тут же уходит. Невезучая пчела. Или честная.

— Цветение только начинается, — говорит инспектор. — Семьи войдут в силу.

— Подпишите.

— Гильдия не отвечает за погоду, почву и качество ухода за садами.

— Тогда не отвечайте и за чёрный улей.

Рада стучит посохом по земле.

— Его предложение разумно. Если жечь сейчас — Белый Воск ставит семьи без платы и берёт долю риска. Если наблюдать — ответственность наша.

Восс смотрит на неё. Впервые в обращении исчезает «госпожа».

— Барон Дорн не одобрит самоуправства.

— Пусть скажет сам.

Староста стоит ниже инспектора на полголовы, но в эту минуту он будто вынужден смотреть вверх.

— Наблюдение, — произносит Восс. — До земельного решения.

Рада привязывает свинцовую пластину к верхней скобе каменного улья. Не к трещине и не к топке. Я проверяю, чтобы проволока не мешала пчёлам.

Мара забирает у служителя копию отметки. Тот сначала не отдаёт, пока Восс не кивает.

— Я осмотрю ваши образцы в присутствии гильдейского мастера, — говорит инспектор Маре. — Передайте их в Белый дом.

— Осмотрим здесь, когда мастер придёт без принудительного воска.

— Вы усложняете собственное возвращение.

— Я не возвращаюсь.

На этот раз его улыбка почти настоящая. Не добрая — заинтересованная.

— Все возвращаются, когда заканчиваются лекарства и покровители.

Он идёт к карете. Возле меня останавливается ещё раз.

— Ян Керт был осторожным человеком. Под конец жизни осторожность его покинула. Не повторяйте ошибку человека, чьё имя вы будто бы забыли.

— А вы не повторяйте ошибку Рема. Осы непредсказуемы.

Восс надевает перчатку и уходит.

После кареты на дороге долго висит белая пыль. Люди расходятся не сразу. Каждый хочет увидеть свинцовую пластину, но никто не подходит ближе трёх шагов. Терен объясняет уже третьему соседу, что чёрные пчёлы не вылетают пожирать детей по свистку. Я не просил его становиться моим защитником. Возможно, он защищает собственные сады.

Нила приходит пешком, ведёт за руку девочку лет двенадцати. У той красные пятна на щеках и тяжёлый блестящий взгляд. Вторая рука женщины сжата в кулак. Она проходит мимо соседей, останавливается передо мной и раскрывает ладонь. На ней лежат два белых восковых кружка.

— Компенсация, — говорит Нила. — Восс отдал Раде, Рада мне.

— Рем шёл за двумя белыми весами.

— Это и есть два. Значит, Гильдия считает, что расплатилась дважды одной платой: за работу и за смерть.

Девочка качается. Нила поддерживает её за плечо, не глядя. Мара подходит, касается лба.

— Рина, ты почему встала?

— Мама сказала, папу привезли.

— Папу уже отнесли домой. Тебе надо лежать.

Рина смотрит на каменный улей. Страха в ней меньше, чем любопытства; на лбу испарина, губы сухие.

— Они правда чёрные?

— Правда, — отвечаю я.

— И мёд у них чёрный?

— Сейчас никакого. Они беднее нас.

Девочка пытается улыбнуться. Получается плохо. Нила сжимает белые кружки.

— Рем умер из-за тебя?

Люди вокруг замолкают. Мара не вмешивается. Терен смотрит куда-то в сторону сада.

Можно сказать: нет. Осы убили. Зубан разлил щёлок. Восс отправил. Всё будет правдой, только не всей.

— Он пришёл ждать моей смерти, — говорю я. — Когда осы пошли к яме, я направил чёрных пчёл на петлю возле его руки. Он ударил одну белым огнём. Зубан плеснул щёлок, запах защиты пропал, осы напали на них. Я хотел выбраться. Рем хотел уйти. Он не успел.

Нила слушает неподвижно.

— Значит, из-за тебя.

— Если бы я ничего не сделал, был бы мёртв я. Рем остался бы жив. Возможно.

— Он говорил, ты уже почти мёртвый.

— Он не ошибся. Только с «почти» не разобрался.

Нила смотрит на моё клеймо. Потом на Рину, которая снова пошатывается. Я достаю из мешка кошель Рема, высыпаю шесть медных монет ей в ладонь. Белые кружки лежат рядом, слишком чистые.

— Это было при нём. Нож пока оставляю: другого нет. Если нужен — верну.

— Нож его отец сделал, — говорит Нила. — Рем им колбасу резал и пугал людей. Оставь. Тебе подходит.

Не знаю, оскорбление это или подарок. Она закрывает ладонь с деньгами, но не убирает.

— Восс сказал, Рем нарушил порядок. Поэтому больше ничего не положено.

— Зубан нарушил. Щёлок разлил он.

— Зубан говорит, Рем велел.

— Врёт.

— Я знаю.

Нила произносит это спокойно. Они с Ремом, видимо, успели прожить достаточно, чтобы она различала его ошибки и чужие даже после смерти.

— Что ты хочешь от меня? — спрашиваю я.

— Ничего. Хотела услышать, соврёшь или нет.

Она отдаёт белые кружки Маре.

— Купи Рине тихого мёда.

Мара не берёт.

— На два веса тебе продадут пол-ложки. Я дам из своего запаса.

— Твой запас тоже не растёт на дереве.

— На дереве хотя бы растут цветы. У Восса и этого скоро не останется.

Мара всё-таки принимает кружки, но кладёт в отдельный карман. Рина тянет мать за рукав.

— Мам, а можно посмотреть пчелу?

— Нет.

— Издалека.

— Из деревни.

— Из деревни не видно.

Я нахожу взглядом разведчицу с помятым крылом. Она возвращается от стены, садится возле кормушки. Если вмешаюсь, напугаю семью и дам людям новый повод считать себя дрессировщиком. Поэтому просто показываю пальцем.

— Вон на камне. Видишь точку?

Рина шурится.

— Маленькая.

— Рабочая пчела и должна быть маленькой. Большие только проблемы.

Нила уводит дочь. Перед тем как спуститься на дорогу, оборачивается.

— Если сделаешь мёд, первым принесёшь Маре. Не мне.

— Таков договор.

— Я не про договор. Не вздумай спасти ребёнка, чтобы откупиться от отца.

Теперь я понимаю, зачем она пришла. Не за ответом. Провести границу раньше, чем я попробую облегчить собственную совесть за её счёт.

— Не буду.

Нила кивает и уходит. Терен подходит ко мне, когда они скрываются за стеной.

— Мог сказать короче.

— Тогда было бы похоже на оправдание.

— А это что было?

— Плохой рассказ о плохом утре.

Он поправляет ремень на плече.

— Рем был жадный, ленивый и в карты мухлевал. Но Рину любил. Не делай из него своего врага, чтобы легче спать.

— Не собирался.

— Собирался. Все собираются.

Терен уходит помогать соседям разворачивать телегу. Я смотрю на разведчицу. Она пьёт остаток хлебного раствора, не зная ни о Реме, ни о его дочери, ни о том, что первая безопасная партия мёда уже окружена чужими надеждами и моими обещаниями.

Семнадцать пчёл. Три больных человека по договору. Один ребёнок, которого нельзя превращать в индульгенцию. И Белый Воск, отметивший мой дом для ос. Отличное начало хозяйства. Рада задерживается у топки.

— Ты заставил меня спорить с Гильдией при всей деревне.

— Я предложил выбор.

— Нет. Ты предложил мне выглядеть трусихой или спорить.

— И что выбрали?

Она ударяет посохом по моему босому пальцу. Не сильно, но точно.

— В следующий раз предупреждай.

— Тогда не получится.

— Получится, если хочешь дожить до мёда.

Рада уходит. Гран забирает Мала, обещавшего проверить топку ещё вечером. Мара остаётся с образцами. Мы переносим белый воск и заражённую рамку в дом Яна, запираем дверь новой скобой, которую принёс Терен.

— Он знал про Шера, — говорю я.

— Возможно.

— Не «возможно». Он не удивился заражённой собаке и сразу сказал, что её искали.

— Суду этого мало.

— Тебе?

Мара затягивает ремни на ящике.

— Мне достаточно, чтобы не ходить одной возле верхней межи.

— Я и не предлагал.

— Ты собирался пойти.

— После того как матка начнёт сеять и я перестану падать от двух кружек воды.

Она бросает взгляд на мой бок. Повязка снова потемнела от крови — во время спора с Воссом я этого не чувствовал.

— Ляг.

— Опять?

— Можешь стоять. Тогда я затяну сильнее.

Сажусь на крышку корпуса. Мара меняет ткань, промывает ссадину. Делает это молча и сердито. Я не спрашиваю, злится она на меня, на Восса или на себя за то, что пять лет работала в Белом доме. Люди редко отвечают на правильный вопрос сразу.

— Что он имел в виду про лекарства? — всё-таки спрашиваю я.

Пальцы на узле замирают.

— Ничего.

— У него хорошо получается говорить «ничего» так, чтобы всем стало интересно.

— У меня была младшая сестра. Белый Воск давал ей тихий мёд по внутренней цене, пока я служила. Когда ушла, цена стала общей. Через полгода она умерла.

Мара затягивает узел. Не больно, хотя обещала обратное.

— Из-за отсутствия мёда?

— Из-за болезни. Мёд только давал ей спать.

Она собирает испачканную ткань и сжигает в топке. На этом разговор закончен. Я не утешаю. Утешение от человека, которого знаешь второй день и подозреваешь в убийстве, звучало бы как издевательство.

К вечеру чёрные пчёлы делают больше вылетов. Пять жёлтых цветков возле ямы уже очищены, разведчица уходит дальше, к стене. Живой пыльцы всё равно мало. Свинцовая пластина на скобе кажется тяжелее самого камня.

Я переносу часть вещей в дом Яна, но ночевать остаюсь возле улья. Мара уходит до темноты, Терен обещает утром принести немного патоки — не бесплатно, в счёт моей будущей общинной работы.

Перед сном проверяю нижнюю топку, кормушку и ширму. Потом иду к дому за водой.

На двери новая скоба цела. Замок висит как оставили. Только в центре доски появился белый круг размером с ладонь. Воск ещё мягкий. Внутри круга отпечатана оса с расправленными крыльями.

Я не касаюсь метки. Подношу к ней медную бляху Рема. Воск на бляхе теплеет, а со стороны яблонь приходит знакомый низкий гул.

Отступаю к стене, не делая резких движений. Серое облако пока далеко, но отдельные осы уже отделяются и проверяют воздух. Если соскоблить знак, запах останется в древесине. Если сжечь дверь, лишусь дома и, возможно, привлеку ещё больше тварей. Щёлок смыл защиту с людей; значит, здесь нужен не смыв, а второй, более сильный след.

Я беру бляху Рема щипцами, привязываю к шесту и отношу за канаву, где утром лежало тело. Там ветер идёт от дома к оврагу. Белый воск на бляхе нагревается, начинает пахнуть сладко. Первые две осы меняют курс.

Возвращаюсь к двери, накрываю метку перевернутой миской и прижимаю края сырой глиной. Не уничтожил — только запер запах. До утра, может быть, хватит.

Возле каменного улья пчёлы собираются у входа. Чёрные рабочие не видят метки, но чувствуют чужой зов и стягиваются к Сердцу. Я проверяю топку, кладу рядом медную палку и нож Рема. Ночь обещает быть длинной.

Свинцовый знак законного наблюдения висит на верхней скобе. Белый знак для ос — на двери ниже по склону. Оба поставил один человек с разницей в несколько часов. Воск не стал жечь каменный улей при свидетелях. Он просто оставил адрес тем, кто не читает законы.

Глава 6. Первый взяток

Первая оса ударяет в медную бляху Рема так, будто хочет пробить её насквозь. Шест вздрагивает, привязанная жестянка звякает, и из-за канавы поднимается серое облачко. Не рой — десятка два тварей, но мне хватает. Обычная оса ночью сидит в гнезде и видит сны о чужом варенье. Эти летят без луны, по холодному ветру, на кусок белого воска. Значит, кто-то не просто оставил метку. Кто-то заранее разбудил их и выпустил неподалёку.

Я лежу за каменным ульем, прижав щеку к сырой земле, и считаю удары. Бляха звенит всё чаще. Осы садятся на неё, трут усиками белый налёт, потом взлетают и начинают ходить кругами. Две отделяются от общей толчеи и тянут к дому. Перевернутая миска держится, глина по краям ещё влажная, однако дерево успело напитаться запахом. Сладость доходит даже до меня — не медовая, а тяжёлая, аптечная, от неё сводит зубы.

Чёрные пчёлы собрались у летка. Семнадцать живых точек, каждая дороже моих пальцев. Они чувствуют чужой маточный приказ и злятся, но в холод не поднимаются. Хорошо. Мёртвый геройский рой украшает чужую историю, а мне нужен живой.

Я подбрасываю в нижнюю топку две тонкие щепки и прикрываю заслонку. Огонь не должен быть виден со склона. Потом беру верёвку, которой утром таскал тело, и ползу вдоль стены к дому. Медную палку оставляю: если шарахну ею по осе, сам же и засвечусь. В руке нож Рема, на голове его же полушубок, накинутый как попало. Пахнет дымом, старым потом и Нилиной сушёной мятой. Не лучшая броня, но всяко лучше рубахи.

Осы у бляхи начинают драться. Одна впивается другой в брюшко, третья грызёт воск, и на миг кажется, будто мой обман сработал. Потом над яблонями проходит длинный низкий гул. Из темноты отвечает другой. Два выпуска. Восс решил не экономить.

Я добираюсь до двери, просовываю конец верёвки под дужку миски и затягиваю петлю. Второй конец тяну к старой груше. Миску нельзя снимать здесь — запах хлынет прямо к улью. Если получится сорвать её издалека и утащить вниз, осы пойдут следом. Если не получится, я узнаю, насколько быстро бежит человек с треснутым ребром.

Ветка груши скользкая. Я перекидываю верёвку, возвращаюсь за стену и тяну. Сначала ничего. Потом глина хрустит, миска отлипает от двери и падает краем в грязь. Белый круг открывается. Серое облако над канавой поворачивает сразу.

Я тяну сильнее. Миска волочится от дома, захлёбывается травой, переворачивается и накрывает метку уже внутри себя. Осы падают на дверь раньше, чем она отъезжает на сажень. Они бьют в доски, ползают по скобам, лезут в щели. Одна находит белую крошку, отколотую глиной, и начинает рвать дерево жвалами.

— Давай, — шепчу я верёвке. — За весь свой недолгий век прошу только один раз не порваться.

Верёвка рвётся. Просить вещи о верности вообще вредная привычка.

Миска остаётся между домом и грушей. Метка внутри, запах тянет вниз по склону, но осы разделились: половина уже знает дверь. Я могу сидеть до утра и надеяться, что полушубок толще жала. Улей они найдут позже — на рассвете, по движению пчёл. Значит, ждать нельзя.

В доме есть ковш, вода и мешок золы. Есть ещё гильдейская дымовая шашка из подвала. После Шера я вынес её в сарай и закрыл в горшке, чтобы не пахла. Если зажечь шашку, запах принудительного воска соберёт ос лучше бляхи. Заодно от дыма они станут неповоротливыми. Недостаток один: для этого нужно пройти через дверь, на которой сейчас сидит половина маленькой серой смерти.

Я вырезаю из полушубка длинную полосу. Нила просила носить, а не молиться на него; думаю, простит. Наматываю ткань на шест, смачиваю водой из фляги, вываливаю сверху золу. Получается грязная метёлка. Поднимаю её над стеной и медленно веду к двери.

Первая оса атакует ткань. Вторая садится. Я жду, пока на шесте соберется шесть, потом бью мокрой золой о камень. Три остаются лежать, остальные поднимаются, злые и серые. Я отступаю, снова подставляю метёлку. На третьем заходе свободное место перед дверью открывается на четыре удара сердца. Мне хватает трёх.

Влетаю внутрь, захлопываю дверь и наваливаюсь плечом. Осы стучат снаружи, одна успела за мной и мечется под потолком. Я не машу ножом. Подставляю ей оконное стекло, она бьётся, падает на раму, и я накрываю её ковшом. Жало царапает медь, будто игла по тарелке.

В сарай ведёт внутренняя дверь. Горшок стоит там, где оставил. Дымовая шашка короткая, обмотана белой нитью, один край уже оплавлен — её использовали возле Шера, потом погасили. Я переносу горшок к печи, отрезаю ножом палец шашки и бросаю на угли. Ничего. Потом белая нить чернеет, и в комнату выползает густой сладкий дым.

Оса под ковшом беснуется. Снаружи гул становится громче; дверь принимает сразу несколько ударов. Я хватаю горшок щипцами, распахиваю заднее окно и ставлю его на длинную доску. Доску выдвигаю наружу, насколько хватает рук. Дым ползёт к груше, обволакивает миску и белую метку.

За окном сереет воздух. Осы слетаются к горшку, садятся на доску, валяются в траву, снова пытаются подняться. Недохнут — только теряют порядок. Я жду, пока гул у двери ослабеет, и плескаю через щель щёлоком из ведра, оставшегося после уборки. Белый круг расплзается жирными каплями. Доска темнеет. Запах не исчезает, но ломается на несколько следов.

До рассвета я трижды меняю приманку. Бляху Рема затаскиваю дальше в овраг крюком. Горшок со щепоткой шашки ставлю у мёртвого корпуса, потом заливаю. С двери срезаю верхний слой древесины вместе с воском и бросаю щепу в огонь за канавой. Осы идут за каждым новым следом, путаются, дерутся и одна за другой застывают на холодной земле. Некоторые ещё шевелят лапами. Добывать их сапогом не лезу: мёртвая тварь тоже умеет ужалить, если наступить правильно.

К утру у улья лежит только одна. Она доползла до свинцовой пломбы Восса и обхватила её лапами. Очень аккуратная подпись.

Когда на дороге появляется Мара, я сижу на крышке пустого корпуса, держу ковш с пленной осой и стараюсь не заснуть. За ней идут Терен и Мал. У Терена лук, у Мала ведро патоки размером с него самого.

— Ты жив, — говорит Мара.

— Временный статус обязывает.

Она смотрит на дверь, на обугленную яму, на серые тела в канаве и перестаёт шутить глазами.

— Сколько?

— Тридцать четыре насчитал. Нескольких унесло дымом. Два разных гула пришли из-за яблонь. Вот эта ночевала в ковше.

Приподнимаю край. Оса тут же бьёт жалом. Мал отступает и проливает патоку на сапог.

— Не ближе, — говорим мы с Марой одновременно.

Терен присаживается у пломбы. Осу на свинце он не трогает, только щурится.

— Следы человека есть?

— Следы сапог затоптали осы, — отвечаю я. — Но метка была свежая. И слишком много тварей для случайного гнезда.

Мара берёт щепу, срезанную с двери, заворачивает в ткань. Потом осматривает меня. Под левым глазом у меня распухло — одна оса всё-таки достала через мокрый мех, но жало скользнуло, яд вошёл неглубоко. Мара ругается тихо, от души, и выдавливает из кожи прозрачную каплю.

— Восс скажет, ты сам поставил знак, чтобы обвинить его.

— Я ждал, что он скажет умнее.

— Ты подписал осмотр, взял временный номер и в ту же ночь устроил гильдейскую метку на своей двери. Для суда это возможно.

— А для тебя?

— Для меня возможно, что я выколю Воссу глаз его писчим пером.

Она произносит это без нажима и достаёт мазь. Мал смотрит на неё с таким уважением, какого мне за всю ночь не досталось.

В ковше оса снова скребёт медь. Я накрываю его камнем.

— Нам нужен корм, — говорю я. — Сегодня. Пока семья держится, но пустой улей законом не защитишь. И если матка не начнёт сеять, через месяц защищать будет некого.

Терен выпрямляется.

— Ночная лилия на старом лугу ещё цвела позавчера. Там низина, сажа ложится поверху, внизу вода чище.

— Далеко?

— Полтора часа пешком. Если ты не свалишься.

Мара затягивает повязку под моим глазом.

— Он свалится.

— Тогда понесёте, — говорю я. — Рабочих я туда не понесу. Они сами решат.

Мал подаёт ведро. Патока пахнет жжёной свёклой и железом. Для пчёл годится только после сильного разведения, да и то как аварийный сахар, а не еда для расплода. Но на ближайшие сутки это тепло.

Я готовлю сироп в доме, кипячу воду, снимаю пену, остужаю. Мара наблюдает, как будто ждет, что я подсыплю собственный яд. Когда капля перестаёт обжигать запястье, ставлю кормушку возле летка. Две рабочие находят её быстро, пробуют и возвращаются внутрь. Не пир, зато не хлебная жижа.

Через связь чувствую матку. Она уже не лежит безжизненным грузом. Двигается по нижнему соту, проверяет пустые ячейки брюшком, но не задерживается. Сначала белок. Сначала живая пыльца.

— Идём на луг, — говорю я.

— Мы идём, — поправляет Мара. — Ты сначала поспишь два часа.

— Осы тоже поспят?

— Осы в ковше. Остальные мёртвые или сытые дымом. Если Восс пришлёт людей днём, у нас будет Рада и свинцовая пломба. Ложись.

Я хочу спорить, но тело голосует за Мару. Причём падающим большинством.

Старый луг оказывается бывшей чашей озера. Мы спускаемся к нему после полудня: Терен впереди, я посередине, Мара сзади, чтобы видеть, когда я начну шататься. Мал остался у улья с Граном. Перед уходом я показал им, как поддерживать сироп, куда не лезть и почему трогать свинцовую пломбу — быстрый способ познакомиться с гильдейской тюрьмой. Гран выслушал и спросил, можно ли просто ударить человека, который полезет к пломбе. Мы сошлись на том, что сначала надо позвать Раду.

Дорога идёт через серый березняк. Кора на деревьях белая, но не живая — словно присыпана мукой. Листья скручены, под ногами почти нет насекомых. Терен ступает бесшумно, хотя за плечами лук, моток сети и железная рогатина. Моя пасечная куртка цепляется за каждую ветку. Мара время от времени срезает растения и раскладывает по разным мешочкам.

— Откуда ты знаешь про лилию? — спрашиваю Терена.

— Зверь ходит туда пить. Я хожу за зверем.

— А заражённый зверь?

— За мной.

Он не улыбается. Терен вообще шутит так, что человеку приходится самому решать, была ли шутка.

В низине воздух меняется. Впервые с тех пор, как я очнулся в яме, пахнет не гарью и мокрой золой, а водой, тиной и цветами. Ночная вересковая лилия растёт островками между кочек. Невысокий фиолетовый венчик, длинные тычинки, пыльца бледно-золотая. Цветки закрыты от яркого света и начинают раскрываться под тенью облаков.

Я стою на краю и чувствую, как во мне просыпается что-то простое и жадное. Не Система. Пасечник. После пустых рамок любой честный цветок кажется обещанием, которое мир пока не успел нарушить.

— Не топчись, — говорю Терену.

— Я здесь вырос.

— Тем более должен знать, что ноги у тебя большие.

Он переставляет сапог с кочки на камень. Мы раскладываем на трёх местах маленькие полоски холстины, натёртые прополисом из старого корпуса. Пропахшие домом ориентиры. Потом я достаю из мешка пять рабочих, которых осторожно перенёс в деревянной клеточке. Рисковать всеми семнадцатью нельзя; ждать, пока разведчицы сами найдут луг, можно до следующего года. Я открываю заслонку.

Пчёлы выходят не сразу. Одна касается усиками ткани, другая чистит крыло. Потом самая крупная поднимается, делает круг надо мной и уходит к лилиям.

Связь натягивается тонкой струной. Я не приказываю. Показываю запах, который уже стоит вокруг, и дорогу обратно — каменный жар, матка, тёмный леток. Разведчица принимает одно, второе отбрасывает, строит свой маршрут по солнцу и лесной кромке.

Тепло уходит из ладоней, но не валом, как раньше. Скорее плата за открытую дверь.

[Обнаружен устойчивый кормовой путь.]

[Семья: «Горсть». Условие перехода не выполнено.]

— Они всегда так долго выбирают? — шепчет Мара.

— Хороший сборщик сначала проверяет, потом зовёт остальных. Плохой рассказывает про золотые горы и продаёт разрешение на ведро.

— Это ты про пчёл или про Гильдию?

— У пчёл разрешения дешевле.

Первая рабочая ныряет в венчик. Выходит с золотыми корзинками на ногах. Вторая садится рядом. Через четверть часа три пчелы уже знают луг. Две возвращаются к каменному улью; я ощущаю их путь обрывками — подъём, белая берёза, тёплый камень, снова подъём. Расстояние большое для слабой семьи, но выполнимое, если не гонять их в холод.

Мара режет один цветок и рассматривает пыльцу через тёмное стекло. На стекле видны серые точки.

— Здесь тоже, — говорит она.

— Сверху?

— На наружных тычинках больше. В глубине почти чисто.

Чёрная рабочая тем временем проходит по пыльнику, скатывает серую пыль в отдельный комочек и сбрасывает на лепесток. Потом берёт золотую.

— Они выбирают, — говорит Мара.

— Пока умеют.

— Белые берут всё.

— Я видел.

С березняка приходит треск. Не громкий, но Терен уже держит лук. Пчёлы на лилиях прижимаются к цветкам.

Из кустов выходит соколап. Похож на лисицу, если лисицу вытянуть, поставить на задние ноги выше человека и подарить передним лапам когти хищной птицы. Шерсть клочьями, морда узкая. На шее серые наросты, глаза затянуты молочной плёнкой. За первым движется второй, меньше. Третий остаётся в кустах — я вижу только качание веток.

— Не бегите, — тихо говорит Терен.

— Удивительный совет человеку с моими рёбрами.

Он стреляет. Стрела входит первому под плечо. Зверь не падает. Дёргается, грызёт древко, а потом прыгает через две кочки.

Терен успевает подставить рогатину. Когти проходят по древку, один цепляет его предплечье. Мара бросает в морду зверю горсть порошка. Пахнет полынью и уксусом. Соколап чихает, мотает головой, но второй уже обходит справа.

Я хватаю холстину с прополисом и швыряю на воду в сторону от лилий. Пчёлы не нужны в драке — их пять, зверей три. Но прополисовый запах должен вернуть разведчиц после. Одной мыслью стягиваю их с цветков вверх, за свою спину. Холод режет затылок.

Второй соколап бросается на Мару. Я подставляю медный ковш, который взял для образцов. Когти с визгом входят в край. Рука немеет. Зверь тянет ковш к себе, я отпускаю и бью ножом снизу, в мягкое место за челюстью. Нож Рема застревает. Соколап крутит головой, валит меня на колено. Из пасти пахнет той же сладкой гарью, что от восковой метки.

Мара вгоняет ему в ухо костяную иглу. Зверь обмякает не сразу; ещё дважды бьёт лапой по грязи и чуть не сносит мне лицо.

Первый соколап переламывает рогатину. Терен пятится, кровь с предплечья идёт ручьём. Третий выскакивает из кустов и хватает его за голень. Охотник падает, успевает закрыть горло локтем. Когти распарывают рукав, зубы смыкаются на кожаном сапоге.

Я не успеваю добежать. Мара тоже. Пять пчёл висят над моей головой, ожидая пути.

Не глаз. Не жало. Запах.

Я показываю им серые наросты на шее первого зверя и сладкую гарь в пасти третьего. То, что они уже выбрасывали с пыльцы. Не приказываю нападать — предлагаю убрать грязь с живого цветка, который очень громко ругается. Пчёлы выбирают Терена.

Они падают на морду соколапа, но не жалят. Цепляются за серый налёт у ноздрей, скребут челюстями, отрывают крупницы. Зверь взывает и выпускает сапог. Терен перекачивается, выдёргивает короткий нож и бьёт под рёбра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.